

МИРОТВОРЦЫ

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Миротворцы

«Автор»

2026

Северский А.

Миротворцы / А. Северский — «Автор», 2026

Тридцать лет Арда и Ливен воюют за границы, которые меняются буквально: признанный договор способен повернуть реку, передвинуть дорогу и стереть с карты землю, не названную стороной соглашения. Веда Ран — лучший посредник Канцелярии перемирий. Она умеет продлевать управляемую войну так, чтобы все оставались за столом, а её служба и семья получали деньги. Но перед заключением окончательного мира Веда обнаруживает цену прежних успехов: нейтральные Тихие Поля исчезали после каждого удачного договора, и следующим должен исчезнуть город Нулевая Межа. Чтобы остановить войну, Веде, маршалу Орсу, правоведке Тале, переводчику Юну и представительнице нейтралов Маре придётся отказаться от идеальной границы и от власти решать за других. Их новый мир будет медленным, дорогим и постоянно пересматриваемым. Зато ни одна земля больше не должна стать сноской в чужом соглашении.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Мост на срок	7
Глава 2. Доход посредника	14
Глава 3. Город между словами	20
Глава 4. Пять миротворцев	27
Глава 5. Свидетели цены	34
Глава 6. Пропавшая страна	41
Глава 7. Мирная провокация	47
Глава 8. Первый общий враг	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Северский

Миротворцы

От автора

Войну принято представлять делом военных. На картах её отмечают стрелами, в хрониках — датами сражений, в памяти — именами погибших и выживших. Но между боями существует другая работа: кто-то выбирает слова для короткого перемирия, определяет порядок обмена пленными, решает, какой мост останется нейтральным и чья подпись будет считаться достаточной. Эти решения редко выглядят героическими. Иногда они спасают сотни людей. Иногда назначают цену тем, кого не пригласили за стол.

«Миротворцы» — роман о людях, превративших такую работу в профессию. Его герои умеют находить формулировки, которые принимают непримиримые стороны. Они знают, когда уступка служит будущему миру, а когда лишь даёт армии время пополнить запасы. Они остро видят чужую корысть и гораздо хуже — собственную. Война отвратительна им, но именно война сделала их влиятельными, нужными и богатыми.

В мире этой книги договор не остаётся листом бумаги. Если его признают свидетели цены, на рассвете меняется сама земля: река принимает указанное русло, дорога приходит к названной заставе, граница становится оврагом или стеной. Магия здесь не угадывает справедливость и не исполняет добрые намерения. Она следует признанной формулировке, включая умолчания. Земля, не названная ни одной стороной, не сохраняет нейтралитет сама собой.

Поэтому читать договоры в Семигранье приходится так же внимательно, как читать поле перед сражением. Важно не только то, что обещано, но и кто получил право обещать. Не только то, где проведена линия, но и какая деревня осталась между словами. Не только то, сколько людей спасено, но и кто оказался достаточно далёким, чтобы его потерю назвать допустимой.

Эта история не ищет формулу безупречного мира. Любое решение в ней кому-то мешает, отнимает привычный путь или требует доверия к человеку, который уже однажды солгал. Персонажи не разделены на честных миротворцев и корыстных разжигателей. Одни искренне хотят прекратить войну с помощью общей силы. Другие защищают право малых земель отказаться даже от выгодного спасения. Третьи требуют правды, пока правда не угрожает их собственному дому.

Главный вопрос романа возникает не в момент подписания мира, а раньше: могут ли люди отказаться от той роли, в которой научились быть незаменимыми? Полководцу трудно сложить оружие. Посреднику не легче отказаться от права говорить за остальных. Иногда самая опасная власть выглядит не как приказ, а как способность подобрать единственные слова, без которых никто не умеет договориться.

Здесь будут острые переговоры, временные союзы, скрытые приложения и последствия эффектных побед. Но важнее всего останется земля за окнами переговорной комнаты. Пока дипломаты спорят о будущем материка, реки уже ищут новые русла, мосты меняют берега, а люди просыпаются в стране, которой вчера не существовало. Каждая глава возвращает разговор к этой материальной цене.

Название «Миротворцы» не обещает, что герои принесут готовый мир. Оно обозначает ремесло, которое им придётся разобрать и собрать заново. Возможно, настоящий результат их работы окажется менее величественным, чем вечный договор: соглашение с ограниченным сроком, право не согласиться, видимая цена и возможность пересмотреть ошибку до того, как она станет ландшафтом.

В этом мире граница появляется на рассвете. Но выбор, кому позволено её провести, совершается ночью — людьми за столом, где всегда есть пустой стул.

Глава 1. Мост на срок

К полуночи мост уже дважды объявляли ничейным и один раз — принадлежащим обеим сторонам. От этого он не стал безопаснее.

На ардском берегу горели железные жаровни. У каждой стояло по четверо солдат, будто огонь тоже нуждался в охране. На ливенском берегу фонарей почти не было: только длинные зелёные отсветы на воде да редкие огни за щитами. Между ними, над чёрной рекой, теснились шесть повозок с пленными. Передняя лишилась колеса и перегородила проезд. Задние не могли отступить: ливенцы уже сняли цепь со своей заставы, а по условиям обмена возвращение считалось отказом от перемирия.

Веда Ран положила ладонь на парапет. Камень дрожал от поступи ардской смены.

— Ещё раз, — сказала она.

Писец Канцелярии поднёс лампу к дорожным часам. В стеклянной колбе оставалась узкая полоска синего масла.

— Перемирие истекает через сорок семь минут.

— Я просила прочитать условие.

Писец сглотнул и нашёл нужную строку в сложенной гармошкой свитке.

— «До третьего удара ночного колокола стороны воздерживаются от вооружённого прохода по Каменному мосту и на расстоянии полёта стрелы от его опор. По истечении срока всякий вооружённый человек на мосту признаётся вступившим на землю ближайшей стороны».

— Кто из пленных вооружён?

— Никто.

— Кто из конвойных собирается бросить оружие?

Молчание ответило точнее любого списка.

Веда посмотрела на переднюю повозку. Возчик и двое пленных пытались поднять ось ремнями. Раненый мужчина в серой ардской рубаше держал узел зубами; рядом ливенская женщина с перебинтованной головой тянула так, словно на другом конце ремня висела её родина. Над ними спорили два конвойных начальника, каждый со своей половины моста. Они не помогали. Помощь могла быть истолкована как совместное командование, а этого не позволяли их инструкции.

По мосту к ней шёл ардский полномочный капитан Брант. Шёл один, однако за двадцать шагов следом держались шесть копейщиков. Его нагрудник был начищен так тщательно, что в нём дрожал перевёрнутый мост.

С противоположной стороны приближалась ливенская распорядительница обмена Сайла Вер в плотном плаще речников. За ней шли двое писцов и лучник. Делегации остановились у белых столбиков Канцелярии.

— Капитан, — сказала Веда. — Распорядительница. Нам понадобится продление на одни сутки.

— На три часа, — одновременно ответили оба.

Они покосились друг на друга. Первым усмехнулся Брант.

— Видите? Мир уже близко.

— Близко только утро, — сказала Сайла. — Оно наступит, даже если вы опять его не подпишете.

— Трёх часов недостаточно, — Веда кивнула на сломанную повозку. — После неё ещё пять. Каждый человек должен пересечь середину, быть назван по списку и принят своей стороной. К тому же ваши списки не совпадают.

— Они совпадали до того, как Арда добавила двенадцать имён, — сказала Сайла.

— До того, как Ливен признал двенадцать выживших, — поправил Брант.

Веда подняла руку. Спор оборвался не из уважения. Обе стороны знали, что без печати Канцелярии им придётся объяснять своим начальникам, почему сто сорок восемь пленных встретили рассвет посреди реки.

— Одни сутки дают время закончить обмен и сверить добавление, — сказала она. — Запрет на военный проход сохраняется. Три часа дают вам лишь новый повод обвинить друг друга до завтрака.

Из темноты донёсся деревянный треск. Повозка качнулась, ремень лопнул. Раненый ардец упал на колени. Колесо прокатилось полшага и легло у парапета.

— Сорок минут, — сообщил писец Канцелярии.

Веда раскрыла кожаную папку на переносном столике. В ней лежали листы продления, уже заполненные на случай дождя, нападения, болезни свидетеля, ошибки в списках и поломки на мосту. Последнее приложение составила она сама семь лет назад. С тех пор его переписывали сорок три раза, меняя только названия рек.

Она вынула лист.

— На три часа, — повторил Брант. — И только движение пленных.

— С правом Ливена прервать обмен, если Арда приблизит к мосту более тридцати вооружённых, — сказала Сайла.

— Тогда с правом Арды задержать равное число возвращаемых.

— Задержание после передачи будет новым пленением.

— Передача не завершена до принятия последнего имени.

Через минуту условия обросли исключениями: кому разрешено чинить повозку, считать ли молот оружием, могут ли лекари переносить ножи. Каждый пункт был разумным. Вместе они делали продление невозможным. Брант боялся, что Ливен удержит середину моста до рассвета; Сайла — ардской смены у западной опоры. Оба опасались не сегодняшней атаки, а завтрашней карты.

Земля ничего не решала. Она исполняла договор так, как вода исполняет уклон: шла туда, куда её направили формулировкой и тремя свидетельствами принятой цены.

— Где староста Нижних Гатей? — спросила Веда.

Писец оглянулся к восточной заставе.

— Ждёт за ливенской цепью. Её не пропустили с телегой.

— Пропустите без телеги.

Сайла нахмурилась.

— Деревня не сторона обмена.

— Поэтому староста не будет голосовать. Она засвидетельствует цену.

— Для исполнения нужны трое независимых, — сказала Веда. — Писец получает жалованье Канцелярии. Лекаря наняла Арда. Смотрителю платит Ливен.

— Земля считала это независимостью сорок три раза, — сказал Брант.

Капитан не мог знать число приложений. Веда отложила эту опасность на потом.

Сайла приказала пропустить старосту.

Женщина пришла через пять минут. Ей было около пятидесяти, но речной ветер и ночные дежурства прибавляли возраст быстрее календаря. На плече она несла бухту пеньковой верёвки, словно её вызвали не менять границы, а вытаскивать скотину из канавы.

— Мара Лест, Нижние Гати, — представилась она. — Чья ось?

— Ничья, — сказал Брант.

Мара смерила его взглядом.

— Тогда пусть ничья мать её и поднимает.

Она бросила верёвку пленным и показала, как сделать двойную петлю. Через минуту к работе присоединились ещё четверо. Мара распоряжалась, не спрашивая, с какого они берега.

Для неё люди на сломанной повозке были не списками, а тяжестью, которую следовало убрать с единственной дороги.

Веда подошла ближе.

— Вашей деревне что нужно от моста до завтрашнего утра?

— То же, что каждый день. Перегнать коз на верхний выпас. Привезти муку с западной мельницы. Отправить роженицу к речному лекарю, если не справится наша Лея.

— Другого пути нет?

— Есть зимняя гать. Сейчас там человеку по грудь, телеге по крышу.

— Мы обсуждаем военный обмен, — напомнил Брант.

— Мы обсуждаем, что просим землю сохранить до рассвета, — сказала Веда.

В прежней формуле мост признавался нейтральным проходом «для целей обмена». В ней не было ни Нижних Гатей, ни коз, ни муки, ни роженицы. Их отсутствие и делало строку удобной.

— Тридцать две минуты, — сказал писец.

На ардском берегу солдаты сняли копыя с подставок. Ливенские лучники натянули тетивы.

Веда предложила сохранить мост на сутки для пленных, ремонтников, лекарей, возчиков и жителей Нижних Гатей. Сайла возразила: под видом жителей Арда проведёт роту.

— У вас есть перечень дворов? — спросила Веда у Мары.

— Был до весеннего разлива. Три дома унесло, два поставили выше.

— Земля не умеет читать людей, которых мы не назвали.

— Тогда плохо вы её научили.

Сайла потребовала убрать деревню из текста. Мара сказала, что её козы стоят для Нижних Гатей не меньше, чем пленные — для воюющих держав.

Брант предложил после обмена вернуть мост к состоянию до перемирия, но за тридцать лет мост успел принадлежать Арде, Ливену, обеим сторонам, ни одной и даже исчезнувшему монастырю. Неопределённое прошлое могло вернуть любую из этих дорог.

— Тогда пусть мост исчезнет, — сказал капитан. — Никто не проведёт по нему войска.

Мара перестала тянуть верёвку. Брант понял ошибку: свидетель цены услышал её раньше, чем стороны выбрали слова.

— Я отзываю предположение, — сказал он.

— Отозванное не становится неслышанным, — ответила Мара.

Веда почувствовала знакомую ясность. Она приходила в последние минуты, когда хорошие решения кончались и оставалось выбрать работающее. За эту ясность ей платили больше, чем капитанам. За неё её ненавидели люди, которым потом приходилось жить внутри выбранной формулировки.

— Есть способ сохранить мост и закончить обмен, — сказала она. — На рассвете мост признаётся проходом только между территориями Арды и Ливена. Нейтральный статус прекращается вместе с обменом. Ни одна сторона не получает опоры: линия признанных территорий замыкается по руслу.

Брант медленно кивнул. Для Арды это означало, что ливенский берег останется ливенским. Сайла считала ту же выгоду со своей стороны.

Мара подошла к столику.

— А Нижние Гати?

— Деревня не названа стороной и не включена в линию.

— Я слышу слова. Куда придёт мост?

Веда посмотрела на карту. Нижние Гати лежали в излучине восточнее ливенского знака. Формально нейтральная деревня касалась дороги узкой полосой общинного выгона. Если мост свяжет только признанные территории, дорога обойдёт эту полосу. Может сдвинуться на

несколько сажений. Может — на сотню. Точнее никто не знал: старые межевые камни утонули, а карта была составлена людьми, которым деревня не платила налог.

— Мост останется между берегами, — сказала Веда.

— Не это я спросила.

— Его подходы будут принадлежать сторонам. Ваш выгон может оказаться отделён.

— «Может» — это сколько?

— Этого нельзя установить до рассвета.

Мара посмотрела на повозки. Из последней донёсся кашель. Кто-то позвал воды. Староста закрыла глаза лишь на миг.

— Если не подпишете?

— Через двадцать четыре минуты перемирие закончится. Конвойные окажутся вооружёнными на территории ближайшей стороны. Любой шаг сочтут вторжением. Пленных, вероятно, выведут, если командиры удержат людей. Вероятно — недостаточно хорошее слово для ночи вроде этой.

— А если подпишете, сто сорок восемь доедут домой, но наша дорога станет чужой.

— Да.

Веда не стала добавлять, что речь могла идти лишь о выгоне. Честность, разбавленная утешением, часто превращалась в новый вид лжи.

Староста взяла лист и долго смотрела на строки. Читать она умела: палец двигался не под словами, а по местам, где слова отсутствовали.

— Я не свидетельствую, что согласна, — сказала она.

— От вас не требуется согласие, — ответил Брант.

— Вот это я как раз поняла.

Веда сказала:

— Свидетель цены подтверждает, что услышал последствие и считает его настоящим. Не справедливым. Не приемлемым. Настоящим.

— Удобное ремесло. Вы выбираете, мы подтверждаем, что нам больно.

— Иногда стороны выбирают сами.

— Но сегодня здесь вы.

Веда выдержала её взгляд.

— Сегодня здесь я.

Починенную ось подняли. Вместо колеса под неё подвели короткое бревно. Повозка могла двигаться, медленно стирая дерево о камень. Возчик поднял руку, ожидая разрешения.

— Девятнадцать минут, — сказал писец.

Сайла первой поставила подпись. Она писала тонко и быстро; последние две буквы её имени соединились с линией берега на приложенной карте. Брант потребовал заменить слово «принадлежать» на «признаваться». Веда согласилась: принадлежность могла тянуть за собой налог, признание — только исполнение текущего договора. Капитан подписал и приложил железную печать Арды. Сургуч вокруг неё сразу потемнел.

Оставались свидетели. Лекаря наняла Арда, сын мостового смотрителя служил Ливену, писец получал деньги Канцелярии. Независимыми оказались лодочник, чью лодку армии отбирали по очереди, странствующая точильщица и Мара. Лодочник оставил отпечаток пальца. Точильщица узнала, что на рассвете её тележка окажется в Арде, перевезла имущество на середину моста и подписала.

Мара не брала перо.

— Двух недостаточно? — спросила она.

— Земля не изменится, — сказала Веда. — Продление останется обещанием людей. Иногда этого хватает. Здесь — нет.

— Значит, без меня вы не сможете отдать пленных?

— Сможем попытаться до третьего удара.

— А потом капитан скажет, что первым шагнул речник. Речница скажет, что ардец поднял копьё. Ваш писец запишет обе версии и получит жалованье за следующее перемирие.

Брант отвёл глаза к своим солдатам. Сайла не отвела.

— Подпишите, староста, — сказала она. — Я дам Нижним Гатям право прохода по ливенской дороге.

— На какой срок?

— До нового соглашения.

— То есть пока вам снова не понадобится моя боль для подписи?

Сайла сжала губы.

Веда знала, что должна промолчать. Посредник не подталкивал свидетеля. Любой намёк мог превратить независимость в услугу. Но за спиной Мары стояли повозки, а синего масла в часах оставалось на толщину ногтя.

— Если вы не подпишете, вина будет не вашей, — сказала Веда.

Мара повернулась к ней.

— Это вы сейчас меня освобождаете?

— Предупреждаю.

— Нет. Вы оставляете себе чистую строку. Если начнётся бой, скажете, что уважили мой отказ. Если мост уйдёт, скажете, что честно назвали цену.

У Веды не нашлось возражения, которое не звучало бы доказательством.

Староста взяла перо.

— Запишите отдельно: Нижние Гати не принимают цену. Они только знают, кого вы ею назначили.

— Эта запись не изменит исполнение, — сказала Веда.

— Зато изменит рассказ.

Веда вписала фразу на полях. Мара перечитала её и подписала крупно, нажимая так сильно, что перо прорвало лист возле последней буквы.

Три свидетельских знака легли в нижний ряд.

Сургуч на печатях размягчился без огня. Камень под ногами вздрогнул, будто мост сделал вдох. По парапету пробежала тонкая белая трещина и остановилась у нейтрального столбика.

— Признано, — сказал писец.

— Двигайте, — приказала Веда.

Повозка поползла вперёд на деревянном катке. Пленные поддерживали ось. Перед третьим ударом последняя повозка сошла с середины. Обмен ещё не завершился, но срок теперь держался до следующей полуночи. Лишь когда писцы повторили формулу, солдаты опустили оружие.

Мара не стала ждать конца.

— Мне нужно перегнать коз до рассвета, — сказала она.

— Сейчас мост открыт жителям, — напомнила Веда.

— Сейчас. А потом?

Веда посмотрела на карту, где линия признанных берегов проходила поверх выцветшего общинного выгона.

— Я приеду в Нижние Гати после обмена.

— Привезите мост.

Староста закинула на плечо оставшуюся верёвку и ушла на восток.

К рассвету всех пленных передали. Двенадцать спорных имён внесли во временный список без указания гражданства; это позволило людям сойти с моста, а спору — пережить ещё

один день. Брант назвал решение достойным. Сайла — терпимым. Для Веды оба слова означали успех.

Веда не спала. Рассвет требовал присутствия посредника: подписать договор и уйти до исполнения считалось трусостью даже в Канцелярии.

Сначала вода посветлела. Затем туман лёг поперёк русла ровной полосой, словно кто-то приложил к реке линейку. Железная печать на договоре стала холодной, речная покрылась каплями. Белый нейтральный столбик у восточного подхода качнулся.

Каменный мост не исчез мгновенно. Он начал уходить от деревни.

Это выглядело почти буднично. Дорога у восточной опоры изогнулась на север. Крайние плиты одна за другой выскальзывали из земли и появлялись дальше, там, где карта признавала ливенскую территорию. Парапет вытянулся дугой. Два тополя, стоявшие у дороги, оказались по разные стороны нового оврага. Общинный выгон смялся узкой складкой, будто зелёную ткань потянули за угол.

Из тумана донёсся козий звон.

Мара успела привести стадо. Она стояла на прежней дороге, в двадцати шагах от места, где ещё ночью начинался мост. Между ней и новой опорой раскрывалась полоса воды и сырой глины. Не река — отрезанное русло, слишком широкое для прыжка и слишком мягкое для телеги.

Козы теснились за старостой. Одна ступила на край, провалилась передними ногами и заблелая. Мара вытащила её за рога.

По новой дороге уже шла ливенская смена. Мост сохранился целиком, крепкий и нейтральный на оговорённый срок. Он соединял Арду и Ливен так исправно, будто Нижних Гатей рядом никогда не было.

Веда спустилась к старому подходу. Грязь сразу набилась в швы сапог.

— Насколько далеко до зимней гати? — спросила она.

— Для человека — два часа. Для муки — пока вода не спадёт. Для роженицы можете посчитать сами.

— Я отправлю плотников. Поставим временные сходни.

— С чьего разрешения? Этот берег теперь не подходит к тому.

Веда обернулась. На новой опоре Брант и Сайла уже спорили, кому охранять изгиб дороги. Их спор звучал спокойнее ночного: теперь у каждого была твёрдая земля под ногами и документ, из которого можно извлекать новые требования.

— Я внесу Нижние Гати в следующее приложение, — сказала Веда.

Мара усмехнулась без веселья.

— Следующее. Конечно.

Она сняла с шеи кожаный шнурок. На нём висел маленький железный ключ.

— От чего он?

— От кладовой у моста. Там мука, верёвки и наша лодка. Теперь кладовая на ливенской стороне, а мы — нигде. Возьмите. Вам ближе.

Веда не протянула руку.

Мара бросила ключ в грязь у её сапога.

— Вы спасли людей, посредница. Не смейте делать вид, будто я этого не понимаю. И не смейте считать, что поэтому мост ничего не стоил.

Она повернула стадо обратно к деревне. Козы не хотели уходить от воды, и старосте пришлось толкать первую коленом. Через несколько минут звон растворился в тумане.

Писец Канцелярии догнал Веду, держа договор над головой, словно боялся замочить его в ясном небе.

— Исполнение устойчиво, — сообщил он. — Обе опоры признаны, военный проход закрыт, нейтральный срок соблюден. Обмен завершён без потерь. Нужно ваше заключение для реестра.

Веда подняла ключ. Грязь забила бородку.

— Запишите: формула исполнена полностью.

Писец обмакнул перо.

— Цена?

Перед ними лежало новое русло. На другом его краю начинался мост, спасший сто сорок восемь человек и исчезнувший для одной деревни.

— Цена засвидетельствована, — сказала Веда.

Писец ждал уточнения. Она могла назвать выгон, кладовую, муку, путь к лекарю. Могла вписать Нижние Гати в реестр, хотя договор не сделал этого. Но реестр требовал не перечня последствий, а отметки о соблюдении процедуры. Для подробностей существовало следующее приложение.

Веда поставила подпись.

В ту же минуту на новом подходе зазвонил дорожный колокол. Ливенский караульный пропустил первую повозку с освобождёнными пленными. Колёса уверенно пошли по камню.

На старой дороге, ведущей к Нижним Гатям, остались только обломок белого столбика и две глубокие колеи. Они доходили до воды и обрывались.

Глава 2. Доход посредника

Канцелярия перемирий занимала здание бывшего монетного двора, и это никому не казалось шуткой.

Над главным входом всё ещё висели весы для проверки серебра. Одну чашу давно оторвало ветром, зато вторая исправно собирала дождевую воду и голубиный помёт. Под ней каждое утро выстраивались гонцы с приграничья: мокрые, небритые, с тубусами договоров за пазухой. Они приносили сюда просьбы остановить бой на день, открыть дорогу на час, забрать раненых до тумана. Обратно увозили формулы, печати и счета.

Веда приехала к полудню. Грязь Нижних Гатей высохла на сапогах серой коркой. У крыльца служитель предложил щётку, но она отказалась. После бессонной ночи ей хотелось сохранить хотя бы одно доказательство того, что мост существовал не только в реестре.

В вестибюле уже висел лист с итогами обмена.

«Сто сорок восемь возвращённых. Потерь нет. Нарушений нет. Исполнение устойчиво».

Ниже стояло имя Веды. Кто-то из младших писцов обвёл его красным и пририсовал три луча — знак успешного рассвета. О мосте для Нижних Гатей лист не сообщал.

— Ран! — окликнул её дежурный архивист. — Начальник ждёт. И расчётная палата тоже.

— В каком порядке?

— Начальник сказал — немедленно. Палата сказала — до закрытия ведомости.

— Значит, сначала палата. Начальники закрываются позже счетов.

Архивист улыбнулся, но тут же спрятал улыбку в воротник. В Канцелярии шутки о начальстве считались допустимыми, если их можно было выдать за наблюдение о распорядке дня.

Расчётная палата находилась там, где при монетном дворе хранили формы для чеканки. Толстые стены глушили шум. За решётчатым окном сидела казначейша Олина Тесс — маленькая женщина с руками ювелира и памятью ростовщика.

Она подвинула к Веде три листа.

— Основное жалованье, полевая надбавка, надбавка за срочность, успешное исполнение, сто сорок восемь подушевых возвращений. Здесь подпись. Здесь тоже. Здесь подтверждение, что вы не получили вознаграждение от сторон.

— Не получила.

— Подарки?

Веда вспомнила ключ в кармане.

— Железный ключ без известной стоимости.

Олина подняла глаза.

— От чего?

— От чужой кладовой.

— Тогда известная стоимость есть. Чужое всегда оценивают владельцы. Вернёте?

— Если найду, кому теперь принадлежит дверь.

Казначейша записала: «На хранении до установления права». Затем перевернула последний лист.

Внизу стояла сумма, на которую Веда могла прожить четыре месяца. Она перечитала цифры, проверяя разряды.

— Ошибка?

— Премия за продление по классу «непосредственная угроза возобновления боя». Плюс северный коэффициент.

— Мост на юге.

— Северный коэффициент относится к угрозе, не к мосту. Сотни Арды подходили с севера.

— Они не подошли.

— Благодаря продлению.

Такая логика была неуязвима. Чем опаснее становился срыв, тем дороже стоило его отложить; чем дороже его откладывали, тем успешнее выглядел посредник. Ведомость ничего не знала о последнем мире. Для мира не существовало коэффициента.

Веда подписала два листа и остановилась над третьим.

— Переведите премию в семейный счёт.

— Она и так туда назначена.

Олина развернула к ней узкую ведомость. В верхней строке значилось имя матери: Лиора Ран, постоянное место в Доме тихого дыхания. Следом — плата за комнату младшего брата при картографическом училище, лекарские сборы, отопление, страховой взнос на случай перемещения квартала. Канцелярия удерживала всё автоматически.

После вычетов от премии оставалось меньше пятой части.

— Страховой взнос снова вырос?

— После смещения Пятой улицы. Ваша мать живёт в зоне второго риска.

— Дом стоит внутри старой городской черты.

— Старой по какому договору?

Олина задала вопрос без насмешки. Именно поэтому он прозвучал неприятнее.

— Перевести её невозможно, — сказала Веда.

— В возможно безопасный дом — возможно. В гарантированно безопасный — нет. Таких домов не осталось.

— Тогда оставьте всё как есть.

Казначейша поставила метку.

— Если в следующем месяце у вас не будет полевой надбавки, семейный счёт уйдёт в минус.

— В следующем месяце всегда есть поле.

Олина не ответила. Она провела ногтем по перечню последних назначений Веды: перемирие у Семи Колодцев, санитарный проход в Долгой Балке, спор о мельничной протоке, обмен на Каменном мосту. Четыре кризиса за пять недель. Основного жалованья хватало на саму Веду и половину материнской комнаты. Всё остальное оплачивала срочность.

— Вам предлагают участие в постоянной комиссии? — спросила Олина.

— Постоянные комиссии платят за заседание.

— Они не платят за рассвет.

— Потому и называются постоянными.

Веда подписала ведомость. Казначейша убрала листы в ящик, а деньги — ещё не существовавшие даже в виде монет — разошлись по учреждениям. Успех на мосту превратился в месяц материнского дыхания, две недели братской учёбы и страховку от решения, которое могла составить сама Веда.

В коридоре её ждал молодой писец с подносом. На подносе лежала узкая лента цвета невыцветшего пергамента.

— Совет назначений просит принять знак третьего безупречного обмена.

— Второй знак у меня уже есть.

— Этот с серебряным краем.

— Тогда он, несомненно, остановит войну.

Писец не понял, разрешено ли смеяться. Веда взяла ленту, чтобы избавить его от выбора. На обороте маленькими цифрами был выбит номер распоряжения и размер ежегодной прибавки. Прибавка начислялась только действующим полевым посредникам.

Она приколотла ленту к внутренней стороне плаща.

Начальник Канцелярии Арвес Дор занимал кабинет над старым плавильным залом. От печей сохранилась система труб, и зимой здесь было жарко даже без огня. Арвес держал окна открытыми круглый год. Бумаги на его столе прижимали камнями с исчезнувших границ.

Сегодня поверх карт лежал Каменный мост — не настоящий, а бронзовая модель длиной в ладонь. Такие дарили составителю после обмена более ста человек.

— Сто сорок восемь, — сказал Арвес вместо приветствия. — И ни одного тела в реке.

— Река получила дорогу.

— Реестр говорит, исполнение полное.

— Реестр не врёт.

— Ты произнесла это так, будто он умеет.

Арвес Дор был старше Веды на двадцать лет и выглядел человеком, которого война научила не стареть, а высыхать. Тёмный сюртук висел на нём без складок. Он никогда не повышал голоса: повышать приходилось тем, кто ещё мог проиграть спор.

Он указал на кресло, но Веда осталась стоять.

— Нижние Гати лишились подхода к мосту, — сказала она.

— Мост сохранился?

— Для Арды и Ливена.

— Значит, формула сработала.

— Формула всегда срабатывает. Вопрос — для кого.

— Этот вопрос хорош для лекции. На мосту у тебя был другой: как не дать ста сорока восьмью пленным стать поводом для боя.

Арвес подвинул к ней бронзовую модель.

— Совет хочет, чтобы ты приняла её на вечернем собрании.

— Я не смогу. Нужно вернуться в Нижние Гати и согласовать временный проход.

— С кем?

— С ливенской дорожной службой и Ардой. Новая опора касается обеих признанных линий.

— Именно поэтому не нужно. Две стороны уже подали взаимные возражения. Пока они рассматриваются, никакие сходни ставить нельзя.

— В деревне женщина может нуждаться в лекаре.

— Тогда лекарь приедет зимней гатью.

— Там вода по грудь.

— Значит, на лодке.

Веда вынула из кармана ключ и положила рядом с бронзовым мостом.

— Лодка в кладовой на другом берегу.

Арвес посмотрел на ключ, но не коснулся.

— Чего ты хочешь?

— Разрешение на временный настил до рассмотрения возражений.

— Нет.

— Мы создали препятствие.

— Мы исполнили договор. Если Канцелярия начнёт чинить каждое последствие, она признает себя участником, а не посредником.

— Мы участники. Просто не носим знамён.

Арвес прикрыл окно. В кабинете сразу стало слышно, как внизу сортируют донесения: щёлкали ящики, перекликались номера границ, звонили печати о каменную плиту проверки.

— Ты не спала, — сказал он. — Бессонница делает из хороших посредников моралистов. Сон обычно лечит.

— А если нет?

— Тогда их переводят в учебную часть.

Веда улыбнулась. Угроза была почти ласковой и потому настоящей. Учебная часть давала основное жалованье без полевых надбавок. Через месяц мать лишилась бы комнаты, брат — места в училище. Арвес мог не знать точных цифр, но систему удержаний создавал он.

— Вечернее собрание во сколько?

— В семь. Надень серебряный край.

Он увидел, как её рука коснулась плаща.

— Быстро работает расчётная палата.

— Быстрее мостовых плотников.

— Потому что у неё нет двух армий, спорящих о каждом гвозде.

— У неё есть мы.

Арвес позволил себе короткую улыбку и убрал бронзовый мост в коробку.

— До вечера подготовь заключение. Не о деревне. О том, почему продление удалось.

— Потому что обе стороны больше боялись географической выгоды противника, чем хотели вернуть своих людей.

— Это причина, по которой едва не сорвалось.

— Причина одна и та же.

— В отчёте они должны быть разными.

Веда получила пустой бланк и вышла.

Её рабочая комната была рассчитана на четверых, но троих коллег разослали на границы. На стене висела карта текущих перемирий. Красные булавки означали срок меньше недели, жёлтые — меньше месяца, белые — бессрочные соглашения. Белых было две. Одна держала договор о захоронении погибших, другая — запрет разрушать межевые архивы. Боевых перемирий среди них не было.

Веда сняла перчатки и начала отчёт.

«Продление удалось вследствие точного установления общей выгоды сторон».

Она перечеркнула «общей». Выгоды были разными.

«Продление удалось вследствие совпадения отдельных выгод».

Это звучало точнее и хуже.

На соседнем столе лежала месячная сводка Канцелярии. Веда открыла её, разыскивая число успешных обменов. Вместо этого взгляд зацепился за таблицу доходов. Полевые сборы Арды — сорок одна доля. Ливена — тридцать восемь. Пошлины за удостоверение свидетелей — двенадцать. Обучение, архивные копии и постоянные комиссии вместе давали девять.

Канцелярия жила от срока к сроку. Если бы все красные булавки вдруг побелели, через два месяца нечем было бы платить писцам, через три закрылись бы архивные посты, через четыре перестали бы страховать дома сотрудников. Даже вечный мир потребовал бы денег, но собирать их Канцелярия умела только с тех, кому война мешала достаточно сильно, чтобы они покупали паузу.

В дверь постучали. Вошёл брат Веды, Кай.

Он был на двенадцать лет моложе и всё ещё носил учебный сюртук расстёгнутым, будто правила картографического училища касались только застёжек, а не будущего. Под мышкой он держал свёрнутый планшет.

— Мне сказали, ты вернулась целая.

— Кто сказал?

— Лист внизу. Там не указано состояние твоих частей, но я предположил.

Он обнял её быстро, стесняясь комнаты больше, чем сестры, и сразу заметил новую ленту.

— Серебряный край. Это много?

— Это ткань шириной в два пальца.

— Я про прибавку.

— Хватит на твои чернила.

— Тогда очень много.

Кай развернул планшет. На нём была учебная карта Нулевой Межи с несколькими вариантами городской черты.

— Нас переводят на практику. Нужно выбрать специализацию: устойчивые границы или полевое уточнение после исполнения. Второе оплачивается Канцелярией.

— Выбирай устойчивые границы.

— Там шесть мест на весь курс.

— Ты лучший чертёжник.

— Третий.

— Первые двое плохо считают.

— Они считают места. Их отцы уже внесли взносы.

Он сказал это без обиды, как особенность масштаба. Веда потянула к себе планшет. На полях стояла стоимость полевой формы, инструментов и страховки ученика. Сумма равнялась почти всему, что осталось от её премии.

— Расчётная палата получила счёт?

— Сегодня утром.

Значит, Олина знала, когда предупреждала о следующем месяце.

— Я оплачу.

— Не надо, если придётся брать ещё одно ночное назначение.

— Ночные назначения берут не из-за тебя.

— Конечно. Из-за мира.

Кай улыбнулся, но быстро стал серьёзным.

— Мама снова спрашивала, когда война закончится. Я сказал, что ты работаешь над этим.

— Правильно.

— А ты работаешь?

Веда посмотрела на красные булавки. Каждая обозначала место, где люди сегодня не убивали друг друга благодаря чьей-то работе. И каждое обещало ей надбавку, если через неделю срок снова придётся продлевать.

— Сегодня сто сорок восемь человек вернулись домой.

— Это не ответ.

— В картографии вас учат задавать вопросы или только рисовать места, где ответы потерялись?

Кай свернул планшет.

— На форму нужно решение до конца недели.

— Передай счёт Олине.

Он кивнул и ушёл. В дверях едва не столкнулся с секретарём Арвеса.

— Посредница Ран, вас ждут в Зале весов. Собрание перенесли.

— Сейчас только три.

— Делегации прибыли раньше.

— Какие делегации?

Секретарь протянул ей карточку допуска. На лицевой стороне были три печати: Канцелярии, Арды и Ливена. На обороте одно слово: «Окончательный».

Зал весов сохранился от монетного двора почти без изменений. Под потолком висело огромное коромысло, когда-то сравнивавшее мешки серебра. Теперь на чашах лежали копии действующих перемирий. Красные ленты свисали до пола.

За длинным столом сидели двое незнакомцев. Ардский представитель носил простой тёмный мундир без наград; только след от снятой перевязи пересекал грудь. Ливенская пред-

ставительница была пожилой женщиной с зелёными чернилами на пальцах. Арвес стоял между ними.

— Веда Ран, — сказал он. — Третье безупречное исполнение, семь лет полевой службы, сорок три продления без возобновления боя в установленный срок.

Число снова прозвучало вслух. Веда вспомнила Бранта у моста.

— Капитан Брант видел мой внутренний реестр, — сказала она.

Арвес чуть нахмурился.

— Сейчас это несущественно.

Ардский представитель поднялся. Он был выше, чем казался за столом.

— Существенно всё, что стороны считают существенным. Но сегодня мы согласны с начальником Дором. Меня зовут Орс Клен.

Маршальского знака на нём не было, однако имя знали даже в расчётной палате. Орс Клен за десять лет свёл три ардские армии в одну и прекратил больше самовольных пограничных походов, чем Канцелярия — официальных боёв. Говорили, он не любил временных решений, потому что каждое считал отложенным приказом.

Ливенка представилась Талой Эст, правоведкой речного совета.

— Наши стороны согласились начать переговоры, — сказала она. — Не о продлении. Об окончательном мире.

Секретарь положил перед Ведой проект назначения. В строке срока стояло: «До исполнения».

— Вы хотите, чтобы я была посредником?

— Главным составителем, — сказал Арвес. — Если справишься, красные ленты снимут со всех чаш.

Веда посмотрела вверх. Без договоров коромысло впервые за тридцать лет пришло бы в равновесие. Канцелярия называла это целью на каждой печати, в каждой клятве служащего, на листе над входом.

Олина предупреждала: без полевой надбавки семейный счёт уйдёт в минус.

Кай ждал оплаты формы для работы после новых исполнений.

Мать жила в доме, который страховали от сдвига границы.

Сама Веда умела лучше всего превращать неизбежный бой в следующий срок.

— Какой у проекта бюджет? — спросила она.

Тала Эст посмотрела на неё внимательнее. Орс Клен не изменился в лице. Только Арвес понял вопрос полностью.

— Достаточный, — сказал он.

— У окончательного мира не бывает полевой надбавки.

— Будет вознаграждение за исполнение.

— Одно?

В зале стало тихо. Над ними огромные весы держали на чашах сотни перемирий, каждое оплаченное отдельно.

Арвес придвинул назначение.

— Подпиши, Веда.

Она взяла перо. На внутренней стороне плаща серебряный край новой ленты царапнул запястье.

Веда поставила подпись под словами «до исполнения» и впервые подумала не о том, сколько будет стоять мир, а о том, кто заплатит ей после него.

Глава 3. Город между словами

Нулевая Межа не имела ворот: всякие ворота требовали решить, наружу они открываются или внутрь.

Вместо них на трёх дорогах стояли счётные арки. Под первой отнимали оружие, под второй — знаки должности, под третьей — право говорить, что он вошёл первым.

Ардская делегация появилась на северной дороге ещё до полудня: землемеры с железными цепями, Орс Клен, восемь писцов и телега запечатанных карт. У первой арки солдаты сложили клинки, у второй писцы сняли княжеские полосы. Орс отдал маршальский жезл без напоминания.

— Вы оставили себе сапоги, — сказала Веда, встречая его у третьей арки.

— Они не обозначают должность.

— На ардском офицере обозначают.

Орс посмотрел на её городские туфли, уже серые от известковой пыли.

— Тогда вам следует конфисковать и мою осанку.

— Её можно оставить. Здесь она быстро испортится.

Он передал жезл служителю, но сапоги снимать не стал. Веда не настаивала. Первую уступку следовало выбирать так, чтобы противник ошибся в её цене.

Ливенцы вошли с речной стороны часом позже. Их лодки причалили к четырём набережным, и каждая объявила себя основной. Тала Эст сошла с самой маленькой; за ней вынесли тубусы и три кувшина воды из разных рукавов Великой Ливы.

— Оружие? — спросил служитель.

Тала показала пальцы в зелёных чернилах.

— Вот. Но в ваши ящики они не поместятся.

Две делегации встретились на Площади нулевого камня — единственного межевого знака, вокруг которого не признавали землю ни одной стороны. Ардцы попытались развернуть стол к северу, ливенцы — к реке. Веда поставила его по диагонали: никто не получил прямого места, всем стало неудобно.

Веда разложила три чистых листа.

— Сегодня мы не заключаем договор. Мы устанавливаем исходную городскую черту, чтобы работа обеих делегаций не создала спор о месте переговоров.

— Черта уже установлена, — сказал Орс. — Город нейтрален.

— «Нейтрален» отвечает на вопрос о власти, но не о площади.

Тала постучала ногтем по стеклу над камнем.

— А площадь отвечает на вопрос о налоге, воде и подсудности. Поэтому ардские карты проводят Межу по внешнему валу, а наши — по старым руслам.

Орс впервые посмотрел на неё с интересом.

— Старые русла проходят под жилыми домами.

— Реки старше домов.

— Люди в домах с этим спорят.

— Люди спорят и с дождём. Право не обязано им уступать.

Веда пододвинула им карты. Ардская изображала город правильным семиугольником, окружённым незакрашенной полосой. На ливенской Межа распадалась на острова между синими линиями прежних протоков. Канцелярская карта была удобнее обеих: она показывала только улицы, по которым служащие ходили от архивов к залам переговоров.

— Нам нужна временная формулировка, — сказала Веда. — Только для размещения делегаций, охраны и доставки документов.

— Временные слова особенно долговечны, — заметила Тала.

— Именно поэтому вы здесь.

Орс раскрыл ардский проект.

— «На время переговоров Нулевая Межа сохраняется в пределах существующих укреплений, а дороги к северу и востоку находятся под охраной Арды».

— Нет, — сказала Тала.

— Я ещё не закончил.

— Тогда продолжайте для собственного удовольствия.

Ливенский проект отдавал конфедерации причалы, водостоки и все поверхности, которых касалась проточная вода. По нему половина общественных колодцев становилась речными учреждениями, а во время дождя Ливен мог претендовать почти на весь город.

Веда прочла оба текста и сложила их один на другой.

— Вы привезли не черту. Вы привезли способы войти в Межу, не называя это входом.

— Охрана дороги не владение, — сказал Орс.

— Управление водой не владение, — одновременно сказала Тала.

Они замолчали, услышав сходство.

— Хорошее начало, — сказала Веда. — Вы уже говорите на общем языке.

Спор переместили в Дом несогласованных мер, построенный после того, как ардский локоть, ливенская пядь и местный шаг дали три высоты одной стены.

К вечеру на столе лежало семнадцать вариантов. Каждый сохранял город и незаметно присваивал что-нибудь необходимое: дорогу, причалы, водонапорную башню, кладбище, почтовый двор. Веда перечёркивала глаголы «охраняет», «обеспечивает» и «отвечает».

Арвес Дор прислал записку: «Пробная формула должна быть удостоверена до рассвета. Канцелярия не оплатит второй день размещения без установленной подсудности».

Веда прочла её дважды. Второй раз — чтобы убедиться, что мелочность не привиделась.

— Ваш начальник торопит? — спросила Тала.

— Мой начальник экономит.

— Это более опасная форма торопливости.

Орс стоял у окна. Ардские охранники и ливенские лодочники уже спорили, кому принадлежит полоса возле водостока.

— Пока мы ищем безупречную черту, её проводят носильщики, — сказал он. — Дайте текст, который действует одну ночь.

— Клятвенная география не понимает «понарошку», — ответила Веда.

— Она понимает срок.

— Срок прекращает действие. Он не всегда возвращает прежнее место.

— Тогда перечислите всё, что должно остаться на месте.

Веда показала на окно.

— Начать с каждого дома, дерева и колодца?

— С существенного.

— Для кого?

Орс отвернулся от окна.

— Для способности города принять переговоры.

Тала взяла чистый лист.

— «Стороны признают местом переговоров территорию совместного пользования между северной дорогой и действующим руслом Великой Ливы...»

— Слово «между» требует двух неподвижных пределов, — сказала Веда.

— Дорога и река достаточно неподвижны.

— За последние тридцать лет северную дорогу переносили четыре раза, реку — семь.

— Значит, у нас богатый выбор.

— Не через внешние ориентиры, — сказала она. — Через городское пользование. «На срок до утверждения первого раздела окончательного договора стороны признают неприкосновенным совместное пользование всеми улицами, зданиями, водами и путями Нулевой Межи в их нынешнем положении».

— «Нынешнем» не имеет архивного измерения, — сказал Орс.

— И «всеми» включает ардский военный склад у северного вала, — сказала Тала. — Ливен не признает совместного пользования им.

— Склад закрыт двадцать два года.

— Закрытое оружие остаётся оружием.

Они убрали «всеми», заменили «нынешнее положение» ссылкой к утренней городской описи и добавили не внесённые туда два переулочка. Ардцы отказались считать водостоки водами; ливенцы — считать мостовые путями.

Незадолго до полуночи Веда получила формулу, от которой не болели зубы:

«До утверждения первого раздела окончательного договора Арда и Ливен признают Нулевую Межу местом совместного и беспрепятственного переговорного пользования в пределах городской описи с приложенными уточнениями; ни одна из сторон не приобретает владения вследствие такого пользования».

— Границы описи? — спросил Орс.

Веда указала ссылку: внешний край домов, внесённых в городской налоговый лист.

— Налоговый лист — не карта, — сказала Тала.

— Зато ни одна из сторон его не составляла.

— Кто составлял?

— Городской совет.

— Городской совет зависит от пошлин делегаций.

— Сегодня все от кого-нибудь зависят. Для пробной формулы нужны три свидетеля цены, а не три святых.

Свидетелей нашли среди тех, кто терял от делегаций: хозяйка постоянного двора уступила комнаты по установленной цене, грузчик отдал место у причала, сборщице ночных отходов охрана перекрыла обычный проезд.

Веда по очереди спросила, понимают ли они цену.

— Понимаю, — сказала хозяйка. — Но если господа заключат мир, на будущий год мои комнаты будут пусты.

— Это не цена этой формулы.

— Для вас — нет.

Грузчик внёс в свидетельство лишний подъём по лестнице. Сборщица потребовала подписи рядом с описанием запаха. Орс подписал, а Тала добавила: запах признан без установления происхождения.

— Формула пробная, — напомнила она свидетелям. — Срок — до первого раздела. Она не должна менять городскую черту.

Сборщица посмотрела на исписанный лист.

— Если не должна менять, зачем нужны мы?

Веда не ответила сразу.

— Потому что пользование меняется уже сейчас.

— Тогда пишите это, а не то, что городу ничего не сделается.

Добавили занятые комнаты, причальное место и объезд. К двум часам ночи свидетели поставили знаки, делегации скрепили формулу, Веда последней прижала печать Канцелярии.

Лист звякнул о стол.

Не громко — так звенит ложка о край чашки. Но по стенам Дома несогласованных мер прошла тонкая дрожь. Гири на полках качнулись одновременно.

— Принято, — сказал Орс.

— Удостоверено, — поправила Веда.

Тала подняла кувшин с водой из южного рукава. Поверхность оставалась ровной.

— До рассвета четыре часа. Предлагаю поспать.

— Предлагаю проверить приложение, — сказала Веда.

Они проверили приложения. Линия шла по внешнему краю внесённых домов, замыкая город неровным кольцом.

Веда задержала палец на западном квартале Красильных ям.

— Здесь шесть домов без налоговых номеров.

Городской писец наклонился к карте.

— Их объединили с красильным двором.

— На каком основании?

— В прошлом году хозяин двора платил за всю стену.

— А люди?

— Какие люди?

Писец раскрыл старую ведомость. Шесть домов стояли вдоль стены, но числились как хозяйственные пристройки: жилыцы снимали комнаты у красильщиков и не имели отдельных очаговых знаков.

— Они входят в городской лист через двор, — сказал Орс.

— Двор внесён по внутреннему контуру, — ответила Веда. — Дома снаружи.

Тала уже листала приложения.

— Уточнения перечисляют два переуллка, не строения.

— Добавим поправку.

— После удостоверения? — Орс покачал головой. — Это будет новая формула и новые свидетели.

— Разбудим их.

Хозяйку постоянного двора нашли сразу. Грузчик ушёл на дальний причал. Сборщица ночных отхождений, воспользовавшись подписанным объездом, исчезла за южной аркой. Послали слугителей.

Веда вышла в квартал Красильных ям.

Ночь пахла мокрой известью, золой и кислой корой. Шесть домов лепились к внешней стороне дворовой стены. В окнах горело два огонька. На верёвках под навесами висела ткань, чёрная в темноте. Между домами и старым валом оставался узкий проход, которого не было ни на одной карте.

На стук вышла женщина в мужском переднике. За её спиной плакал ребёнок.

— Канцелярия, — сказала Веда. — Сколько человек живёт в этих домах?

— Смотря кто спрашивает налог.

— Никто не спрашивает налог.

— Тогда сорок три.

— Вам когда-нибудь выдавали отдельный очаговый знак?

— Красильный двор берёт плату за стену и говорит, что этого довольно.

Орс осмотрел кладку. Шов между двором и первым домом был заполнен свежим раствором.

— Стена единая.

— Фундамент нет, — сказала Тала. Она присела и поскребла камень ногтем. — Дома поставили на старой речной насыпи.

Женщина переводила взгляд с одного на другого.

— Что вы собираетесь у нас отнять?

— Ничего, — сказал Орс.

Веда услышала, как легко прозвучало слово.

— Мы пытаемся включить дома в городскую опись до рассвета.

— А после рассвета?

— После они уже должны быть включены.

Женщина закрыла дверь и тут же открыла снова.

— Это был плохой ответ.

Из домов вышли красильщики, прачки, старики, подросток с перевязанной ладонью. Они не кричали. Живущие без номера сперва выясняют, существует ли для крика нужное учреждение.

Веда отправила городского писца за переносным реестром. Тала составляла поправку. Орс выставил своих людей вдоль стены и приказал никому не входить, пока не вернутся свидетели.

— Ваши люди только что установили охрану на нейтральной улице, — сказала Тала.

— На неописанной улице.

— Это хуже.

— Это не даст мародёрам решить спор быстрее нас.

С востока посветлело небо.

Служитель вернулся один. Грузчик согласился прийти, но лодка с дальнего причала попала в затор. Сборщицу не нашли. Хозяйка постоянного двора стояла рядом, кутаясь в одеяло, однако одного свидетельства было мало.

— Канцелярские служащие могут засвидетельствовать срочную поправку, — сказал Орс.

— Они зависимы от моей печати.

— Городские жители?

— Это их собственная цена. Независимость будет спорной.

Тала подняла голову от листа.

— Спорной лучше, чем отсутствующей.

Так Веда говорила на Каменном мосту. Тогда времени не хватало на чистое решение, а сто сорок восемь человек ждали, когда профессионалы выберут допустимую грязь.

Она посмотрела на шесть домов. Можно было удостоверить поправку жильцами, записать полное исполнение, а возражение оставить следующему приложению. Канцелярия приняла бы. Арда и Ливен предпочли бы. Утром город получил бы спорную защиту вместо никакой.

— Нет, — сказала Веда.

— Почему? — Орс не повысил голоса, и от этого вопрос стал приказом.

— Потому что мы опять назначим ценой тех же людей и назовём их согласие независимым.

— Если не назначим, цена всё равно придёт к ним.

— Тогда выведем людей.

Веда велела будить квартал.

Сорок три жилья вынесли детей, тюфяки, сундуки и кадки с корой. Коза не признавала срочности окончательного мира. Ардские писцы таскали мебель, ливенские лодочники делали носилки из дверей. Тала отмечала каждого вышедшего. Орс считал вслух, пока старуха не ударила его палкой за то, что он называл её дважды.

Когда показался край солнца, земля под ногами вздохнула.

Сначала ничего не произошло. Потом в красильном дворе лопнула натянутая верёвка. Ткань упала, но не вниз: её потянуло в сторону северной стены. Камни прохода заскрежетали. Между последним внесённым домом и первой нумерованной дверью появилась щель толщиной с ноготь.

— Назад! — крикнула Веда.

Щель расширилась до ладони, до ступни. Шесть домов не рушились. Они двигались целиком, вместе с фундаментами и полосой старой насыпи, словно город выталкивал из себя плохо вставленный ящик. Западная стена красивого двора осталась на месте; пристроенные комнаты оторвались от неё, обнажив печи, полки и половину лестницы. За стеной открылось внутреннее жильё: кровати, кружки, детские рисунки углём. Всё, что вчера считалось хозяйственной пристройкой, на рассвете оказалось чьей-то жизнью без наружной стены.

Дома проползли через старый вал. Камень перед ними крошился и снова твердел позади. Коза побежала следом, единственная точно знавшая, кому принадлежит.

— Куда их относит? — спросил Орс.

Тала смотрела на кувшин. Вода в нём поднялась с одной стороны.

— К старому руслу. Формула признала городской контур, а всё снаружи ищет ближайшую признанную землю.

— Ближайшая — Арда.

— По вашей карте. По нашей там ливенская насыпь.

Шесть домов остановились в сорока шагах от стены, развернувшись на четверть круга. Между ними и городом возник неглубокий овраг, по дну которого уже сочилась вода. Северная дорога дёрнулась в сторону, огибая новые строения. Телега с ардскими картами покатила без лошадей и завалилась колесом в канаву.

С другого конца квартала раздался треск. Ненумерованная красильня, которую все считали частью двора, сместилась следом, потянув за собой общий водосток. Поток крашеной воды пошёл не к очистным ямам, а по жилой улице.

Люди побежали ставить заслоны. Веда схватила снятую дверь и вместе с двумя лодочниками перегородила сток. Вода ударила в дерево, перелилась через край, окрасив её туфли в густой зелёный цвет.

Орс приказал ардцам отцепить лошадей и вытянуть телегу поперёк потока. Тала распорядилась разбить кувшины: чистая вода смешалась с красильной, почти ничего не изменив, зато осколки отметили направление нового уклона.

Солнце поднялось над крышами. Земля затихла.

Сорок три человека стояли внутри городской черты и смотрели на свои дома по другую сторону свежего оврага. Формула сохранила Нулевую Межу. Именно поэтому она исторгла всё, что Межой не было названо.

Женщина в переднике подошла к Веде.

— Теперь вы спросите, принимаем ли мы цену?

На щеке у неё была зелёная полоса. Веда не помнила, когда успела испачкать её сама.

— Нет.

— Хорошо. Потому что я не знаю, что у нас купили.

Они испытали не границу княжеств и не окончательный мир — одну временную черту для оплаты комнат и охраны бумаг. Канцелярия предложит мостик, Арда — охрану, Ливен — водоотвод. Каждое исправление потребует новой формулы и ещё чьего-нибудь исчезновения из строки.

— Пробу аннулировать? — спросила Тала.

— Аннулирование вернёт пользование, но не обязательно дома, — сказала Веда.

— Тогда составим восстановительную формулу.

— На основании какой карты? Ардской или вашей?

— Переговоры нельзя вести без определённой территории.

— Можно, — сказала Веда. — Просто до сих пор мы заставляли территорию притворяться пустым столом.

— Это наблюдение не вернёт людям дома.

— А ваша определённость их уже отняла.

Орс выдержал взгляд.

— Наша общая определённости.

Он не позволил ей оставить вину одной стороне.

Хозяйка двора принесла одеяла. Грузчики навели через овраг сходни из дверей. Ардских землемеров жильцы прогнали камнями; один попал в маршальский сапог Орса. Тот не приказал схватить бросившего.

Веда взяла чистый лист. В верхней строке написала: «Цена пробной городской черты». Ниже — сорок три имени, шесть домов, один красильный цех, общий водосток и разрыв западной стены. Потом перечеркнула слово «цена».

— Что вы пишете? — спросила Тала.

— Условия продолжения работы.

— Возмещение?

— Сначала представительство. До следующей формулы за столом будет место для тех, кого нет в описи.

— У города нет единого представителя, — сказал Орс.

— Значит, найдём того, кому не нужно притворяться единым.

Веда вспомнила ключ от кладовой, лежавший вчера на столе Арвеса. Мара Лест умела назвать цену, не соглашаясь быть купленной. Канцелярия сочла бы её неудобной. После этого рассвета удобство перестало быть достоинством.

— А пока? — спросила женщина в переднике.

Веда протянула ей лист.

— Пока вы диктуете, что вернуть и что нельзя исправлять без вас.

Женщина не взяла перо.

— Я красильщица. Не писец.

— Я писец.

— Вы посредница.

— Сегодня это одно. Говорите.

Вокруг них собирались жильцы. Кто-то требовал вернуть печь. Кто-то — не возвращать дом на старое место, пока не укрепят фундамент. Старуха с палкой хотела мост шириной в две телеги и право самой проверять меру. Подросток с перевязанной ладонью потребовал отдельный номер для каждого очага, чтобы красильный двор больше не мог прятать жильцов в своей стене.

Веда записывала всё, не превращая требования в «существенное». За её спиной две делегации ждали начала переговоров об окончательном мире.

Впервые она заставила их ждать не друг друга.

Глава 4. Пять миротворцев

К полудню над оврагом лежали три моста, но ни один так не называли.

Две двери держались на перевёрнутой телеге. Красильщики перекинули поверх неё доски от сушильных рам, а щели заложили мешками с мокрой корой. По этой шаткой дороге жилицы ходили к домам за посудой и одеждой. Ардские солдаты предлагали поставить караул. Ливенские лодочники предлагали разобрать всё и навести плавучий настил. Жилицы прогоняли и тех и других.

Веда сидела на бочке у края оврага и записывала требования.

Их было уже семьдесят два: вернуть печи, дать очагам отдельные номера, не считать временные сходни согласием с новым положением домов. Одни требовали отвести красильную воду мимо рынка, другие — мимо жилых улиц, хотя между ними больше ничего не было.

— Вот теперь похоже на переговоры, — сказал Орс.

Он стоял за бочкой без плаща и маршальской перевязи. Один сапог оставался в зелёных разводах.

— Переговоры начнутся, когда вы перестанете оценивать их по степени неудобства, — ответила она.

— Я оценил по числу несовместимых требований.

Женщина в мужском переднике — Дея Нар — уже четырежды заставила Веду исправить запись. Она запрещала укреплять сходни всем, кто потом назовёт доски своим вложением и потребует берег.

На противоположном краю оврага появилась низкая женщина с дорожным мешком. Она не стала искать сходню. Спустилась по осыпавшемуся склону, перепрыгнула ручей и поднялась, цепляясь за корни. За ней тяжело дышал молодой служитель Канцелярии.

— Староста Мара Лест, — объявил он, когда уже никто не нуждался в объявлении. — Доставлена по срочному вызову главного составителя.

— Я не груз, чтобы меня доставлять, — сказала Мара. — И не староста за городской стеной.

Она остановилась перед Ведой. Ключ от кладовой Нижних Гатей висел у неё на шнуре поверх рубахи.

— Мост вернула?

— Нет.

— Выпас?

— Нет.

— Лекаря?

— Нет.

— Тогда почему я здесь?

Веда протянула ей лист с требованиями.

— Потому что я снова составила черту по чужой описи. На этот раз успела вывести людей. Мара не взяла лист.

— Поздравить?

— Не за что.

— Хорошо. А то пришлось бы возвращаться.

— Это она? — спросила Дея.

— Та, которая потеряла мост, — сказала Мара.

— Та, которая его потеряла, сидит на бочке.

— Тогда мы быстро договоримся.

Мара взяла лист. На слове «восстановление» остановилась.

— Кто решил, что дома надо восстановить?

— Никто, — сказала Веда. — Поэтому это пока перечень, а не формула.

— Тогда зачем наверху написано «восстановительные работы»?

Веда перечеркнула заголовок.

Орс тихо усмехнулся.

— Маршалу смешно? — спросила Мара.

— Маршалу полезно видеть, что Веда исправляет заголовки до рассвета.

— А после рассвета вы исправляете деревни?

— После рассвета я присылаю людей и камень.

— От вашей дороги нам как раз нужен был камень. Дорога ушла.

Орс перестал улыбаться.

Из Дома несогласованных мер прибежал служитель с футляром печатей.

— Госпожа Ран, начальник Дор требует вас. Обе канцелярии возражают против изменения состава переговоров.

Тала выпрямилась и вытерла палочку о рукав.

— Моя канцелярия возражает против представителя, чьи полномочия невозможно установить. Я требую их установить.

— Моя требует, чтобы местные условия рассматривались как свидетельства, а не как право голоса, — сказал Орс. — Я требую, чтобы голос не мог остановить помощь.

Мара сложила лист и сунула за пояс.

— Значит, я уже участвую. Иначе вы бы не успели испугаться.

##

Арвес Дор выделил для совещания малую комнату без окон. Большая палата оставалась приготовленной для окончательного мира: два знамени, две двери, равные стопки бумаги, стол с линией посередине. В малой комнате стояло четыре стула.

Мара пересчитала их и села на подоконную полку, хотя окна не было.

— Это кладовая, — сказала она.

— Комната предварительных согласований, — поправил Арвес.

— У нас в кладовой тоже предварительно согласуют, кто съел зимнюю репу.

— Госпожа Лест приглашена как местная свидетельница последствий. Присутствует при обсуждении вопросов Нулевой Межи и Нижних Гатей. Не обладает правом подписи, подачи проекта или отвода формулировки.

— Тогда она приглашена молчать, — сказала Веда.

— Она приглашена сообщать факты.

— Факты, которые мы сами решим записать существенными.

Арвес положил ладонь на папку.

— Ты просила представительство. Канцелярия дала его за три часа.

— Канцелярия дала табурет без табурета, — сказала Мара.

Дверь открылась, и вошёл человек в сером, неся связку узких дощечек. На вид ему было около сорока. Тёмные волосы он коротко обрезал у висков, а на каждом пальце правой руки носил по тонкому медному кольцу. Он остановился у порога, прослушал последние слова и переложил дощечки из одной руки в другую.

— На общем наречии это можно перевести как «совещательный голос», — сказал он. — На ардском канцелярском — как «допущенное показание». На нижнеречном праве ближайшей формы нет. Там придётся выбрать между гостем и истцом.

— Юн Саар, переводчик клятв, — представил Арвес. — Прикомандирован к группе для сверки понятий.

— Я не прикомандирован, — сказал Юн. — Я согласился читать вслух то, что вы собираетесь заставить прочесть землю.

— Пятый стул тоже забыли? — спросила Мара.

— Я работаю стоя.

— Тогда нас пятеро, а стульев четыре. Уже честнее, чем две стороны и одна Межа.

Арвес раскрыл папку.

— Рабочая группа создаётся при главном составителе. Её задача — подготовить проект окончательного соглашения Арды и Ливена. Состав: Веда Ран, Орс Клен, Тала Эст, Юн Саар. Мара Лест присутствует в качестве...

— Нет, — сказала Веда.

Арвес посмотрел на неё так, как смотрел на плохо поставленную печать: дефект ещё можно соскоблить, но бумага запомнит.

— Ты получила назначение до исполнения, Веда. Не право менять стороны войны.

— Я меняю состав тех, кто будет писать мир.

— Мир заключают Арда и Ливен.

— А исполняет территория между ними.

Тала положила на стол свою папку.

— Ливен признает рабочую группу, если ни одно решение о воде не принимается без согласия речной стороны. Под «водой» понимаются русла, стоки, пристани, броды, водосборы и сезонные разливы.

— Арда признает её, — сказал Орс, — если никакое местное возражение не задерживает меры, необходимые для безопасности дорог и прекращения огня.

— Канцелярия признает, — продолжил Арвес, будто они заранее распределили удары, — если её служащие сохраняют нейтральность и не принимают обязанностей по возмещению последствий договоров.

Юн разложил дощечки по столу.

— Я участвую, если все понятия, не имеющие равного значения в трёх правовых языках, будут отмечены до удостоверения. Не после исполнения.

Мара оглядела их.

— А я участвую, если могу уйти.

Орс нахмурился.

— Никто вас не удерживает.

— Уйти из формулы. Чтобы мой уход означал: вы больше не вправе писать от имени Нижних Гатей и других мест, которые сюда позовёте. Не «выслушали мнение», не «приложили возражение». Не вправе.

— Тогда любой спор вернёт нас к войне, — сказал Орс.

— Война у вас уже есть. Вы хотите, чтобы мы отдали вам землю за обещание её прекратить.

— Я хочу прекратить её везде, включая ваши Гати.

— У нас она начинается каждый раз, когда вы заключаете перемирие.

Веда записала пять условий в столбик. Вода без Талы. Безопасность без задержки. Нейтральность без ответственности. Непереводимое до подписи. Право Мары отозвать имя.

Все пять не могли действовать одновременно.

— Моё условие, — сказала она, — ни одна временная мера не считается технической. У неё всегда есть срок, названная цена и люди, которые могут отказаться её нести.

— Это попытка переписать порядок Канцелярии, — сказал Арвес. — На каком основании?

Веда поставила перед ним реестр эвакуированных.

— Сорок три основания. Они сейчас ходят домой по дверям.

Арвес не коснулся реестра.

— Если Канцелярия признает госпожу Лест полноправной участницей, Арда и Ливен потребуют определить, какую территорию она представляет. Определение само способно изменить границу.

Юн поднял одну из дощечек.

— Только если употребить «представляет» в смысле замещения территории. В нижнечечном есть слово «держит речь рядом с». Говорящий не становится владельцем названного и не исчерпывает остальных говорящих.

— В общем наречии такого выражения нет, — сказала Тала.

— Теперь есть пять слов.

— Клятвенная формула не обязана понимать новшество.

— Она понимает повторённое употребление, если стороны одинаково признали смысл.

— Сколько повторений?

— Иногда одно. Иногда сто лет.

Орс постучал пальцем по столу.

— На такой точности армию не остановить.

— На вашей точности дома ушли за вал, — сказала Мара.

Веда ждала, что Арвес прекратит совещание. Он мог заменить её. Мог объявить пробную черту нарушением процедуры, отдать Красильные ямы городскому управлению и вернуть переговоры в большую палату. Вместо этого он открыл реестр на первой странице.

— Дея Нар, — прочёл он. — Красильщица. Какую территорию она представляет?

— Никакую, — сказала Веда. — Она представляет требование к доступу в собственный дом.

— Это имущество, не сторона мира.

— Тогда решим имущество до мира.

— Делегации не станут ждать.

— Они уже ждут.

Орс отодвинул от себя маршальскую печать.

— Арда подождёт до заката, если к этому часу будет восстановлен безопасный доступ ко всем шести домам. Не положение домов. Доступ.

Тала посмотрела на него с подозрением.

— Почему до заката?

— Потому что ночью сходни станут местом драки. Мои люди вмешаются, ваши вмешаются в моё вмешательство, и к утру у нас появится первая битва окончательного мира.

— Ливен согласится ждать, если доступ не изменит течение и не создаст признанного перехода через водную границу.

— Это не водная граница, — сказала Дея от двери.

Никто не заметил, как она вошла. За ней стояли двое жильцов и городской плотник с мотком верёвки.

— Вас не приглашали, — сказал Арвес.

— Поэтому я пришла. Когда приглашают, потом пишут, что согласилась.

Она положила на стол обломок доски.

— Вторая сходня просела. До заката не доживёт. Нам нужен проход шириной в две телеги, опоры по обоим берегам и перила, за которые удержится ребёнок. Место выберем мы. Солдаты могут носить. Лодочники могут вязать. Владеть не будут ни те ни другие.

— Временное сооружение требует ответственного содержателя, — сказал Арвес.

— Запишите сорок три.

— Коллективная ответственность не исполнима без порядка решений.

— А коллективная цена у вас прекрасно исполняется без всякого порядка.

Юн прикрыл рот ладонью. Веда не поняла, кашлянул он или спрятал улыбку.

##

Они вернулись к оврагу всем составом. Арвес тоже пришёл, хотя утверждал, что Канцелярия не принимает участия в работах. Он держался в стороне и дважды распорядился принести казённые верёвки.

Дея выбрала место напротив двора, где оба берега были укреплены остатками старого вала. Тала измерила течение и потребовала оставить под настилом просвет для стока. Орс приказал снять железные скобы с разбитой телеги. Мара запретила вбивать их в порог крайнего дома.

— Почему? — спросил Орс. — Камень выдержит.

— Потому что тогда ваш мост будет держаться за их дом, а не их дом получит мост.

— Камню всё равно.

— Земле — нет.

Юн опустил руку возле порога и провёл пальцем по свежей щели.

— Она права. «Опора на владение» и «опора для доступа» в ардском различаются падением. В общем наречии — только порядком слов.

— Я не собирался писать договор на скобе, — сказал Орс.

— Вы собирались поставить на ней свой знак снабжения.

На скобе было выбито ардское колесо. Орс взял молот, сбил знак и оцарапал ладонь.

— Теперь оно не объявляет хозяина раньше назначения, — сказал Юн.

Мара одобритительно кивнула.

— Для маршала медленно, но обучаемо.

Работа остановилась, когда кладовщик потребовал назвать сооружение. «Мост» признавал два берега и мог закрепить ручей как границу, «настил» не подлежал охране, а «временное средство сообщения» плотник отказался произносить.

— Зовите Шестью Досками, — решила Дея. — Потом добавим ещё сколько надо.

Юн повторил название на трёх языках: только число досок, без берега, владения и охраны. Балки выдали после того, как Веда оставила личную печать в залог. Ключ от Нижних Гатей Мара сохранить не смогла бы, если бы Канцелярия снова потребовала плату за собственную осторожность.

К вечеру над оврагом лежал широкий деревянный переход. Опоры стояли на старом вале, под настилом свободно шла вода. Ардские скобы держали балки, ливенские узлы — перила. Дея провела по нему телегу с корой. Старуха с палкой раскачала перила и потребовала ещё одну поперечину.

Орс поставил её сам.

Веда собрала пятерых у бочки. Арвес остался рядом, но не за столом — столом снова служило круглое днище, на котором нельзя было провести линию посередине.

— Нам нужно записать, что произошло, — сказала она. — Не право на окончательную границу. Одно общее обязательство до её обсуждения.

— Доступ действует до отдельного решения жильцов, — сказала Мара.

— И не признаёт ручей границей, — добавила Тала.

— Не препятствует срочной охране людей, но охрана не получает места на переходе без просьбы жильцов, — сказал Орс.

Юн поднял медные кольца к свету и поочерёдно коснулся каждого большим пальцем.

— «Жильцы» в ардском означает внесённых в домовую опись. Сорок три человека туда не внесены.

Дея скрестила руки.

— Вот быстро вы нас опять потеряли.

— Назовём поимённо, — сказала Веда.

— Сорок три имени сделают формулу тяжёлой, — возразил Арвес.

— Дома она уже умеет двигать.

Веда переписала имена из реестра. Один младенец ещё не получил имени; мать называла его Малым. Арвес потребовал родовое обозначение. Мара потребовала оставить то имя, на которое ребёнок откликается. Тала заметила, что младенец ни на что не откликается, кроме голода. В итоге записали: «Малый, сын Ревы, называемый так ею до выбора имени».

Формула заняла три листа.

«Мы, участники рабочей группы, прежде обсуждения окончательной границы обязуемся сохранить и содержать безопасный доступ сорока трёх названных жителей к шести смещённым домам Красильных ям. Шесть Досок не устанавливают границы, владения, военной охраны, водного права или согласия жителей с положением домов. Изменение доступа допускается только после открытого уведомления всех названных жителей и с участием человека, держащего речь рядом с ними».

Мара взяла у Веды перо.

— Пятеро. Не ваши государства. Вы сами.

— Я маршал, — сказал Орс. — Моё личное обязательство будет истолковано как обязательство Арды.

— Когда вам выгодно, вы человек с молотом. Когда невыгодно — целое княжество.

Орс посмотрел на свежую царапину на ладони.

— Записывайте пятерых.

Юн проверил каждое слово на трёх языках. Возле «сохранить» положил дощечку ребром.

— В ардском сохраняют состояние. В нижнеречном сохраняют возможность действия. Если дома снова сдвинутся, первое потребует удерживать доски на месте, второе — переносить их за людьми.

— Нам нужно второе, — сказала Веда.

— Арда не подпишет обязанность следовать за неопределённым перемещением, — сказал Орс.

Дея кивнула на дома.

— Тогда подпишите обязанность не обсуждать границу, пока не вернёте возможность пройти. Куда бы её ни унесло.

Это было не содержание моста. Это был порядок всей работы.

Веда заменила строку: «Ни один из пятерых не приступает к согласованию окончательной границы, пока для каждого из названных жителей не существует безопасного доступа к его дому».

Арвес прочёл и побледнел.

— Ты отдаёшь сорока трём людям право остановить переговоры материка.

— Нет, — сказала Веда. — Мы отдаём себе обязанность не начинать с их отсутствия.

— Любой из них сможет сломать переход.

— Тогда мы починим переход, — сказал Орс.

Тала провела ногтем по слову «безопасного».

— Оценивать безопасность будут жители, группа или городская стража?

— Все, — ответила Мара.

— Это не порядок решения.

— Нет. Это порядок спора.

Юн положил последнюю дощечку плашмя.

— На трёх языках смысл совпадает достаточно, чтобы спорить об одном и том же.

Первой подписала Дея — не как сторона и не как свидетельница цены, а рядом с перечнем имён, подтверждая, что их прочли вслух. Затем Мара вывела короткое угловатое «М» и приписала: «держит речь рядом, не вместо». Тала добавила условие о воде. Орс — об охране только по просьбе. Юн подписал совпадение значений.

Веда осталась последней.

Личная печать лежала в городской кладовой. Канцелярская висела у Арвеса на цепи.

— Без удостоверения это намерение, — сказал он.

— Нам пока достаточно подписей, — ответила Веда.

— Земле — возможно. Делегациям — нет.

Он снял цепь. Веда протянула руку, но Арвес удержал печать.

— Мара Лест получает право участвовать в вопросах нейтральных территорий. Не право вето на договор Арды и Ливена. Не право связывать Канцелярию возмещениями. Не право говорить вместо отсутствующих общин.

— Полноправная участница группы, — сказала Веда. — С правом подать формулировку, потребовать перевода и отказаться от употребления имени той общины, чью речь она держит рядом.

— Ты построила из утренней ошибки новую сторону переговоров.

— Нет. Ошибка показала сторону, которую мы прятали в приложениях.

На переход въехала телега. Доски прогнулись, перила выдержали. С другого берега старуха подняла палку, словно подавала войску знак двигаться.

Арвес отдал печать.

— До исполнения, — сказал он.

— Как и все мы.

Веда прижала металл к воску. Лист звякнул о круглое днище бочки.

Овраг не закрылся. Дома не вернулись. Вода не повернула обратно. Только настил под телегой на мгновение осел и снова поднялся, принимая вес.

— Это всё? — спросила Дея.

— Нет, — сказала Веда. — Теперь мы обязаны приходить сюда раньше, чем к границе.

Мара сняла ключ от кладовой и положила рядом с удостоверенной формулой.

— Мой залог ещё у вас.

— Моя печать тоже.

— Значит, завтра вернём оба.

— Завтра мы должны начать окончательный договор.

Мара посмотрела на Шесть Досок, по которым сорок три человека возвращались в шесть домов — не восстановленных, не признанных, но доступных.

— Нет, посредница. Завтра вы сначала узнаете, кто все эти годы свидетельствовал цену вместо нас.

Глава 5. Свидетели цены

Архив хранили ниже уровня реки.

Веда считала это предусмотрительностью: верхние комнаты могли сгореть, но подвалы в сером камне Нулевой Межи должны были пережить и огонь, и победителя. Спускаясь вслед за Марой, она впервые подумала, что архив спрятали не от войны.

Его спрятали от плативших за мир.

У первой решётки сидел хранитель Пел Шор. Он был таким же неизменным, как запах сырой бумаги: узкие плечи, шерстяные перчатки без пальцев, седая прядь, прижатая к виску медной заколкой. За двадцать лет Веда видела его наверху только дважды — на похоронах прежнего канцлера и во время наводнения, когда вода поднялась до нижней ступени.

— Запрос, — сказал он, не вставая.

Веда положила на стол удостоверенную формулу о Шести Досках.

— Рабочая группа требует реестры свидетелей цены по перемириям Арды и Ливена за тридцать лет.

— По какому участку?

— По всем.

— Тогда это не запрос. Это переселение.

За спиной Веды Орс задел плечом стену. Тала придерживала подол. Юн вполголоса различал «свидетеля», «удостоверителя» и «того, кто понёс названное». Мара молчала; ключ Нижних Гатей висел у неё на шее.

— Начнём с последних десяти лет, — сказала Веда. — Каменный мост, Долгая плотина, Солёный тракт, Верхние запруды и все договоры, где ценой названа нейтральная земля.

— Земля не свидетельствует.

— Поэтому нам нужны люди.

Пел наконец взял формулу. Прочитал имена сорока трёх жителей, задержался на Малом, сыне Ревы, и коснулся воска ногтем.

— Доступ восстановлен?

— Да.

— Тогда обязательство исполнено.

— Нет, — сказала Мара. — Мы сегодня прошли. Завтра доски может унести.

— Архив фиксирует исполнение на момент удостоверения.

— А цена, значит, платится тоже один момент?

Пел посмотрел на неё с усталостью человека, которому задавали этот вопрос много раз, но всегда не те люди.

— Цена свидетельствуется до исполнения. После исполнения она становится положением местности.

Юн перестал считать ступени.

— На нижнеречном это два разных глагола, — сказал он. — Цена совершается или цена продолжается?

— Архив ведётся на общем наречии.

— У общего наречия здесь удобная бедность.

Пел выдавал дела по названию и дате, но не по вопросу, способному изменить их общий смысл. Веда сама пользовалась этим порядком: сужала запрос, затем искала подтверждение выбранной формулировки. Архив возвращал ровно то прошлое, которое у него просили.

— Дело Каменного моста, — сказала она. — Последнее продление.

Пел повернул ключ в решётке.

— Только читальный стол. Только карандаш. Печати не снимать. Порядок листов не менять.

— А если порядок листов и есть часть подлога? — спросила Тала.

— Тогда отмечайте карандашом, госпожа правоведка.

##

Дело Каменного моста занимало одну синюю папку.

Веда помнила каждый лист: формулу с зачёркнутым словом «берег», список пленных, три свидетельства и карту, где восточный подход огибал Нижние Гати.

— Здесь всё чисто, — сказал Орс. — Вы трое нашли людей, не состоявших на службе сторон.

— Четверо, — поправила Мара. — Меня нашли потом, когда первые двое назвали цену удобной.

Веда перевернула свидетельство лодочника. На обороте стояла отметка Олины Тесс: «Возмещение простоя — из полевого сбора, две серебряные доли».

Орс наклонился ближе.

— Плата за потерянный день не делает человека зависимым.

— Если её дают после свидетельства, — сказала Тала.

Юн вынул из кармана три дощечки и положил рядом с подписями.

— В формуле сказано: свидетель не получает выгоды от удостоверенного исхода. Не сказано: не получает платы от удостоверяющей стороны.

— Потому что никто не станет бросать работу бесплатно, — ответила Веда. — Мы возмещаем дорогу, еду и заработок.

Мара перевернула лист точильщицы. Там стояло: «Разрешение на торговлю в пределах военного тракта — до конца сезона».

— А ей возместили отсутствие разрешения, — сказала она.

— Разрешение выдала городская стража, не Канцелярия.

— По вашему письму.

Веда помнила письмо. Точильщица отказалась ждать до вечера: её дважды прогоняли от ардских обозов и один раз от ливенских. Веда попросила пропуск, чтобы получить третью подпись до смены караула. Без подписи обмен сорвался бы. Сто сорок восемь человек остались бы в клетях ещё на три дня — если новое перемирие вообще удалось бы заключить.

Тогда решение казалось не только правильным. Оно казалось единственно приличным.

— Пропуск не зависел от того, что она скажет, — произнесла Веда.

— Она знала это? — спросила Мара.

Веда нашла расписку. В графе основания писарь вывел: «Для содействия исполнению».

— Нет, — сказала она.

Тала взяла карандаш и провела на отдельном листе четыре столбца: имя, служба, выплата, последующая выгода.

— Одно дело ничего не доказывает. Дайте Долгую плотину.

Пел принёс пять папок. На плотине цену подтверждали мельник на казённых жерновах, перевозчица с ардским охранным местом и лекарь, которому Канцелярия оплатила аптечный сундук.

— Он лечил обе стороны, — сказал Орс.

— И выставил просьбу за сундук за месяц до договора, — сказала Тала. — Получил на следующий день после подписи.

— Это могло быть совпадением.

— Конечно. Архивы любят совпадения. Они единственные умеют складывать их по датам.

Веда раскрыла ведомость. Рядом с решением об оплате стояла её короткая отметка: «Ускорить ввиду пользы для общего дела».

Она не помнила лица лекаря. Помнила только плотину, толпу на обоих берегах и воду, которая должна была пойти в обход трёх сожжённых деревень. Если бы договор задержался, ливенцы открыли бы верхние створы, ардцы ударили бы по башням, и долина стала бы озером. Веда ускорила сундук, чтобы лекарь не ушёл к раненым раньше подписи.

— Ты знала и здесь, — сказала Мара.

— Я знала о сундуке. Не считала его платой за свидетельство.

— Как ты называла это про себя?

— Способом удержать человека до конца процедуры.

Мара кивнула, будто услышала достаточно точный ответ.

— Значит, зависимость нужна была не для того, чтобы он солгал. Чтобы не ушёл, пока правда не станет удобной.

Юн поставил медное кольцо на ребро.

— Независимость — не честность. Честный слуга остаётся слугой.

Орс отодвинул папку.

— Вы ищите безупречных людей в стране, где все едят из чьего-нибудь амбара. По этому мерилу независимых свидетелей не существует.

— Тогда ваши договоры не должны были исполняться, — сказала Мара.

— Но исполнялись.

— Вот это и проверяем.

##

К полудню на столе лежали девятнадцать дел. В комнате стало тесно от чужих цен: пастбищ, садов, дорог, застав и колодцев, оказавшихся на другом берегу. В каждом договоре ущерб был назван. Почти нигде назвавший его человек не жил там, где он наступал.

Веда начала видеть почерк.

Сначала полевой составитель находил трёх людей, способных описать последствия. Затем казначейство проверяло не их независимость, а управляемость: смогут ли они ждать, явятся ли на повторное чтение, не откажутся ли при споре сторон. Им выдавали дорожные деньги, охранные грамоты, места в обозах, разрешения торговать, отсрочки по сборам. Если настоящий житель требовал права отказаться от цены, его переносили в приложение как «затронутое лицо». Он мог получить возмещение после исполнения, но не мог помешать ему.

Веда нашла собственное имя в семи делах: сапоги свидетелю, освобождение вдовы от повинности, место сыну перевозчика, знаки срочности рядом с платёжными ведомостями.

Седьмым было перемирие у Белых гряд.

Она развернула карту и сразу вспомнила жару, белую пыль на ресницах и мальчика с рассечённым подбородком. Ардская батарея стояла на виноградном склоне, ливенские лодки — в канале. Формула запрещала обеим сторонам входить в полосу шириной двести шагов. Ценой называли потерю урожая на грядках и закрытие оросительной канавы. Свидетельствовали счетовод батареи, лодочный плотник и женщина из обозной пекарни.

— Все трое служащие, — сказала Тала.

— Не военнообязанные, — ответила Веда машинально.

— Я не спросила, но благодарю за старый ответ.

На отдельном листе были перечислены жители Белых гряд — двадцать семь семей. Против одиннадцати стояло: «согласие получить не удалось». Против шестнадцати: «уведомлены после отвода войск».

— Почему ни один не стал свидетелем? — спросил Орс.

Веда знала. Она перевернула лист, хотя на обороте ничего не было.

— Они требовали открыть канаву до удостоверения. Арда соглашалась только после отвода лодок. Ливен — после снятия батареи. Если бы мы признали жителей свидетелями, их отказ остановил бы формулу.

— И что произошло?

— Батарею сняли. Лодки ушли. Никто не погиб.

— А гряды? — спросила Мара.

— Должны были потерять один урожай.

Пел впервые вмешался:

— Три.

Он подкатил лестницу к верхней полке и снял тонкую серую папку. В ней лежали жалобы. После исполнения канавы не просто закрылась: её исток переместился за признанную полосу, а полоса принадлежала сторонам только для запрета войск, не для подачи воды. Арда и Ливен два года спорили, кто вправе открыть створ. На третий год жители ушли.

— Почему этого нет в основном деле? — спросила Веда.

— Цена после исполнения, — ответил Пел. — Другой раздел.

— Но карта исполнения здесь.

— Карта показывает положение на рассвете. Жалобы — последующее пользование.

— Три урожая — это не пользование. Это продолжение цены.

— Такого раздела нет.

Мара положила ключ Нижних Гатей поверх списка ушедших семей.

— У вас для нашего исчезновения всегда не хватает раздела.

Веда вспомнила мальчика у канавы. Он держал корзину с раздавленным виноградом и смотрел, как солдаты отходят с холма. Тогда она решила, что он плачет от облегчения.

В деле не было его имени.

— Кто утвердил этих троих? — спросил Орс.

Пел указал на последнюю страницу.

Под решением стояла печать Арвеса. Ниже — подпись Веда: «Состав свидетелей проверен. Зависимость от исхода отсутствует».

— Ты проверяла выгоду от исхода, — сказала она. — Но не зависимость от процедуры.

— Таков был порядок.

— Кто написал порядок?

Веда уже знала, где искать. В левом верхнем углу стоял номер наставления: восемь-семнадцать.

##

Наставление восемь-семнадцать оказалось тоньше любого договора. Шесть страниц, прошитых чёрной нитью. «О пригодности свидетельствующих лиц в условиях срочного полевого удостоверения».

Первый пункт запрещал брать военных командиров, членов делегаций и прямых получателей земельной выгоды. Второй разрешал служащих вспомогательных ведомств, если их жалование не менялось от исполнения. Третий разрешал дорожное возмещение. Четвёртый — помощь, необходимую для присутствия. Пятый говорил, что зависимость от Канцелярии не равна зависимости от сторон, поскольку Канцелярия не имеет территориального интереса.

— Вот дверь, — сказал Юн.

— Это основание нейтральной службы, — возразила Веда.

— Дверь обычно и называют основанием стены. Пока не узнают, кто через неё ходит.

На шестой странице стояли имена составителей наставления. Арвес Дор. Олина Тесс. Ещё двое умерших канцлеров. И Веда Ран.

Дата была девятилетней давности.

После Голодной зимы сорок два перемирия оставались незаконченными. Свидетели не являлись, стороны приводили своих и оспаривали чужих. Канцелярия месяцами не могла собрать три голоса, и за этот срок погибло больше людей, чем за предыдущий год.

Веда предложила отделить зависимость от исхода от зависимости от посредника. Тогда это разблокировало одиннадцать соглашений.

— Я написала пятый пункт, — сказала она.

Мара прочла его ещё раз.

— Значит, ты не просто участвовала в схеме.

— Нет.

Веда забрала у неё лист, но не закрыла.

— Я построила ей законную дверь.

Орс прошёлся вдоль стола, насколько позволяли папки.

— И спасла людей.

— Да.

— Не говори так, будто это мелкая оговорка.

— Я и не говорю.

— Тогда признай вторую часть. Пока мы здесь меряем чистоту рук, армии стоят. Потому что эти свидетельства сработали.

Тала постучала карандашом по карте Белых гряд.

— Армии стоят не там. Люди тоже живут не там. Вопрос не в чистоте рук, маршал. Вопрос в том, что будет, если основание исполнения признано ложным.

— Ничего. Местность уже изменилась.

Пел Шор медленно снял перчатки.

Пальцы у него были испачканы синим порошком — тем, которым архивисты выявляли снятые печати.

— Не всегда, — сказал он.

Комната затихла.

Пел открыл ящик под читальным столом. Внутри лежала деревянная коробка, обитая свинцом. На крышке было выжжено: «Не выдавать по частному запросу».

— Я храню не решения, — сказал он. — Я храню случаи, когда земля передумала.

##

В коробке было восемь листов.

Первый описывал заставу, через семь лет вернувшуюся на прежний холм. Второй — рукав реки, менявший течение после смерти свидетеля. Третий — дорогу, исчезавшую в годовщину удостоверения.

— Суеверия, — сказал Орс.

— Наблюдения, — поправил Пел. — Суеверия хранят наверху, в речах.

Юн разложил медные кольца на восьми листах. На каждом случай начинался с одного и того же: кто-то оспаривал независимость свидетеля не до исполнения, а после. Не просто заявлял о зависимости — предъявлял доказательство, существовавшее на момент подписи и скрытое от одной из признанных сторон.

— Клятвенная формула считает согласие сторон полным, — сказал Юн. — Если скрыта часть условия исполнения, согласие не завершено.

— Но почему земля не возвращается сразу? — спросила Тала.

В четырёх случаях перемена началась после смерти последнего свидетеля. В двух — после уничтожения подлинника. В одном — когда цену публично назвали подкупом обе стороны.

Мара взяла лист о заставе.

— Что стало с людьми на новом холме?

— Их дом оказался внутри стены, — ответил Пел.

— Они выжили?

— Архив местности этого не учитывает.

— Разумеется.

Веда пересчитала дела на столе. Девятнадцать папок, выбранных почти наугад. Семнадцать содержали выплаты или служебную зависимость. В одиннадцати скрытая связь существовала до удостоверения. В семи она сама подписала проверку.

— Сколько договоров составлено по наставлению восемь-семнадцать? — спросила она.

Пел посмотрел на полки, уходившие в темноту.

— Четыреста двенадцать исполненных. Сто девять действующих продлений. Сорок восемь включены в нынешнее положение границы.

— Если Арда узнает, что их можно оспорить, каждый полевой князь потребует вернуть старые укрепления.

— Ливен сделает то же с руслами, — сказала Тала. — Причём первым, чтобы Арда не успела выбрать выгодные случаи.

— Нельзя выпускать это из комнаты.

— Уже поздно, — сказала Мара. — Это вышло из комнаты девять лет назад. Просто ходило под вашими печатями.

Веда перечитала пятый пункт наставления. Канцелярия не имеет территориального интереса. Но она получала сбор с каждого удостоверения. Платила полевые надбавки. Содержала Дом тихого дыхания, училище Кая, этот архив и стол, за которым они сидели. Её независимость зависела от продолжения работы так же прямо, как мельник зависел от казённых жерновов.

— Канцелярия была заинтересованной стороной, — сказала Веда.

— Не в территории, — отрезал Орс.

— В исполнении. Мы получали плату, когда формула срабатывала. Значит, вся помощь свидетелям исходила от участника, заинтересованного в признании их пригодными.

Юн положил последнюю дощечку плашмя.

— На всех трёх языках это зависимость.

Сверху ударил колокол. Один раз, второй, третий — полдень уже прошёл. Делегации ждали начала обсуждения окончательной границы.

Веда посмотрела на удостоверенную формулу Шести Досок. Пятеро обещали не начинать, пока доступ безопасен. Доступ был безопасен. Их обещание больше не защищало от следующего шага.

— Мы должны опечатать наставление и все связанные ведомости, — сказала Тала. — До совместного разбора сторон.

— Совместный разбор станет объявлением, что сорок восемь участков границы ненадёжны, — сказал Орс.

— А тайна оставит их ненадёжными без предупреждения.

— Предупреждение иногда и есть спусковой крючок.

Мара повернулась к Пелу.

— Почему вы показали коробку сейчас?

Хранитель снова надел перчатки.

— Потому что до вчерашнего дня у запроса не было человека, который представлял бы цену после исполнения.

— Я не представляю всех.

— Поэтому и показал. Тот, кто говорит за всех, быстро просит закрыть коробку.

На лестнице послышались шаги. Арвес спускался один, держа перед собой канцелярскую печать. Его голос донёсся раньше, чем он появился в дверях:

— Делегации требуют объяснить задержку. Веда, у тебя четверть часа.

Он увидел наставление восемь-семнадцать, синюю папку Каменного моста и свинцовую коробку. Остановился на последней ступени.

— Пел, — произнёс он. — Это закрытый ряд.

— Запрос удостоверен вашей печатью, — ответил хранитель.

Арвес перевёл взгляд на Веду.

— Что именно ты искала?

— Независимых свидетелей.

— И нашла?

Веда коснулась своей подписи под наставлением.

— Нашла четыреста двенадцать причин проверить, существует ли наша граница или только ждёт правильного возражения.

Арвес прикрыл дверь в читальную комнату.

— Тогда первое, что вы сделаете, — ничего.

— Это уже было нашим порядком, — сказала Мара.

Пел подвинул к Веде восьмой лист. До сих пор его нижняя половина оставалась закрыта картой Белых гряд. Там был свежий доклад, составленный три дня назад: у северной оконечности Тихих Полей дорога после дождя на несколько часов вернулась к руслу, указанному в договоре двадцатилетней давности. Пограничная башня оказалась поперёк неё. Камень стены не разрушился — просто занял место, которое прежде считал дорогой.

Внизу стояла приписка наблюдателя: «Изменению предшествовало публичное заявление последнего живого свидетеля о том, что в год удостоверения он состоял на полевом содержании Канцелярии».

— Последнего живого? — спросила Веда.

Пел кивнул.

— Он умер вчера утром.

— А дорога?

— Этой ночью вернулась снова. На этот раз не исчезла.

Арвес выхватил лист.

Орс уже разворачивал карту. Тала сдвинула к нему лампу. Юн нашёл номер исходного договора. Мара не смотрела ни на кого из них; она смотрела на тонкую линию Тихих Полей, которую две признанные границы сжимали с обеих сторон.

Веда поняла уязвимость раньше Юна.

Если свидетельство было зависимым, исполненный договор не становился ложным.

Он становился незавершённым.

И вся земля, которую они тридцать лет называли мирной, могла однажды продолжить исполнение с того места, где её заставили замолчать.

Глава 6. Пропавшая страна

Арвес запер свинцовую коробку, но ключ оставил в замке.

— Никто не покидает архив, — сказал он. — Никто не посылает записок, не вызывает писцов и не произносит вслух слов «зависимый свидетель». Через час начнётся заседание делегаций. Мы сообщим, что сверяем старые русла.

— Мы и вправду будем их сверять, — заметил Пел.

— Вы будете исполнять распоряжение хранителя печати.

Пел посмотрел на ключ в коробке.

— Тогда выньте его. Иначе распоряжение выглядит незавершённым.

Арвес выдернул ключ так резко, будто тот обжёг пальцы. Орс уже разложил на столе свежий доклад и карту северной оконечности Тихих Полей. На карте дорога шла вдоль сухой канавы, огибала сторожевую башню Арды и пересекала ничем не обозначенную равнину. На докладе та же дорога проходила сквозь башню.

— Когда прибыл лист? — спросила Веда.

— Три дня назад, — ответил Пел.

— Почему его не передали в отдел исполнения?

— Передали копию без приписки о свидетеле. Отдел назвал это просадкой грунта.

— Дорога не может просесть в стену, — сказал Орс.

— Поэтому стену называли самовольной постройкой.

Орс коротко выдохнул. У Арды было много способов не признавать невозможное; объявить невозможное нарушением строительного порядка казалось самым привычным.

Тала наклонилась над докладом.

— Здесь сказано: «вернулась к руслу, указанному в договоре двадцатилетней давности». Какому договору?

Пел назвал номер. Юн провёл ногтем по краю одной из своих дощечек и нашёл соответствующее медное кольцо.

— Третье Болотное перемирие, — прочитал он. — Арда отводит дозоры к каменной гряде, Ливен отводит лодки к восточному рукаву. Дорога признаётся общей до следующего удостоверения.

— Следующее удостоверение было через девять месяцев, — сказала Веда. — Значит, прежняя дорога прекратила действие.

— Прекратила срок, — поправил Юн. — Об исполнении здесь сказано иначе. «Действует, пока вся названная цена не станет понесённой».

— Цена была понесена двадцать лет назад.

— Так считали три свидетеля.

На столе лежало доказательство, что один из них получал полевое содержание Канцелярии. После его публичного признания и смерти старая формула словно снова открыла глаза. Веда представила дорогу, терпеливо ожидавшую под новой землёй, пока умрут люди, забудутся заставы и чей-то дом окажется у неё на пути.

Мара подтянула карту к себе.

— Где здесь Тихие Поля?

— Здесь, — Арвес указал на пустое место между линиями Арды и Ливена.

— Я вижу место. Где страна?

— Это нейтральная полоса.

— Полоса бывает у ткани. У страны есть дороги, деревни и те, кто решает, куда им идти.

Арвес положил ладонь поверх пустоты.

— Тихие Поля никогда не были признанной державой.

— Кем?

— Сторонами войны.

— Удобное число сторон. Всегда выходит две.

Пел ушёл к дальним шкафам. Лампа в его руке уменьшалась между стеллажами, пока не стала жёлтой точкой. Арвес велел ему вернуться, но хранитель либо не услышал, либо выбрал более древнее значение слова «велеть». Вскоре из темноты донёсся стук передвигаемой лестницы.

— Нам не нужны все карты, — сказал Арвес. — Нужно определить, угрожает ли возврат дороги текущим переговорам.

— Угрожает, — ответила Тала. — Если сведения выйдут наружу, Ливен оспорит ардские участки, созданные по наставлению восемь-семнадцать. Арда оспорит наши русла. Пока будут идти разбирательства, обе стороны поставят охрану там, где рассчитывают вернуть землю.

— Поэтому сведения не выйдут.

— Тогда охрану поставит тот, кто уже знает.

Все посмотрели на Пела, вернувшегося с рулоном карт.

— Наблюдатель, последний свидетель, писец, принявший доклад, отдел исполнения, — перечислил он. — Гарнизон башни. Люди, которые вчера шли по дороге, а сегодня обнаружили её у себя под окнами. Тайна уже велика настолько, что её можно только неправильно распределить.

Он развязал рулон. Внутри оказалось не несколько карт, а одна, составленная из десятков тонких листов. Края были прошиты, новые слои наклеены поверх старых. Сквозь позднюю бумагу просвечивали прежние реки, межевые знаки и названия.

В центре бледными чернилами стояло: «Тихие Поля. Союз свободных сходов».

— Такого государства нет ни в одном нынешнем перечне, — сказал Орс.

— В нынешнем нет, — согласился Пел.

Он раскрыл книгу приложений. Первое описание относилось к тридцать первому году до нынешних переговоров, когда война ещё называлась спором о железной пошлине. Девять сходов Тихих Полей признавали общую дорогу, выборных мерщиков и право каждой деревни не давать постой ни одной армии. Их печать изображала семь борозд и пустую восьмью — место для следующего урожая.

— Почему их не признали стороной? — спросила Мара.

— Они не выставляли войско и не собирали единого налога, — ответил Арвес.

— То есть не подходили под два удобных способа отнять у человека хлеб.

— Под определение державы.

Пел положил рядом вторую карту. Через год после начала войны Арда и Ливен заключили Осенний отвод. В договоре Тихие Поля не упоминались. Ардская граница придвинулась к западному колодцу, ливенское русло — к восточным лугам. Из девяти сходов осталось восемь.

Третья карта была составлена после перемирия у Чёрного брода. Договор признавал за Ардой право ставить вехи вдоль безопасного подъезда, а за Ливеном — право очищать паводочный канал. Безопасный подъезд оказался шире насыпной дороги. Паводочный канал выбрал старое русло через два поля. Осталось семь сходов.

— Это могло быть ошибкой картографа, — сказал Орс.

Пел показал ведомость налогов. Исчезнувший сход ещё пять лет платил Арде дорожный сбор, а Ливену — водный. Когда староста потребовал выбрать одно, обе стороны предъявили исполненные приложения. Канцелярия решила, что двойная обязанность не доказывает двойного владения и потому не входит в её полномочия.

— Людей поделили? — спросила Мара.

— Землю, — ответил Пел.

— Люди, видно, ушли в другой раздел.

Веда слушала их и считала даты. После каждого перемирия, продления или срочного отвода площадь Тихих Полей уменьшалась. Не всегда сразу. Иногда договор забирал дорогу, без которой деревня не могла попасть на рынок. Иногда русло лишало её воды. Иногда полоса безопасности рассекала общинный выпас, а через два года обе половины уже числились при соседних округах. На картах это выглядело не как завоевание. Никто не вонзал флаг в середину равнины. Страна истончалась по краям, словно писец всякий раз чуть сильнее обрезал поле листа.

— Сколько перемирий? — спросила Веда.

— Двадцать семь, если считать только удостоверенные обеими сторонами. Тридцать четыре — с местными отводами.

— Сколько раз Тихие Поля названы?

Пел открыл указатель.

— Один.

Это оказалось не признание, а примечание к перевозке раненых: «обходить поселения, именующие себя Тихими Полями». Формула не давала им права и не назначала цену. Она лишь предупреждала возчиков, как предупреждают о топком берегу.

Юн положил три карты одну на другую и прижал углы медными кольцами.

— В ардских текстах они «внеподатные земли», — сказал он. — В ливенских — «неучтённый водосбор». У Канцелярии — «пространство между признанными обязанностями». Это не три названия одного. Это три способа отрицать говорящего.

— А на их языке? — спросила Мара.

Пел достал лист, сложенный вчетверо. Чернила выцвели, но семь борозд на печати ещё различались.

— «Земля, где отказ переживает князя».

Орс усмехнулся без веселья.

— И как им помог этот отказ?

— Дольше, чем некоторым армия.

— Но не достаточно долго.

— Поэтому мы здесь, маршал.

Пятая карта оставляла от союза четыре разорванных участка. Шестая — два. На последней Тихие Поля сохранялись только как светлая неправильная фигура вокруг трёх деревень и сухой площади, где когда-то собирались девять сходов. Северная дорога, вернувшаяся ночью, пересекала эту фигуру и уходила под ардскую башню.

Веда провела пальцем по датам договоров. Несколько подписей принадлежали Арвесу. Две — ей самой. Она помнила одну: короткое зимнее продление, когда замёрзшие ливенские лодки оказались под ардскими стрелами. Тогда формула отвела русло на двести шагов, и три сотни людей не вступили в бой. В отчёте цена называлась временной потерей сенокоса.

На карте сенокос был перешейком между двумя половинами Тихих Полей. После отвода русла они больше не соприкасались.

— Мы спасли три сотни, — сказал Орс, проследив её взгляд.

— Да.

— Если хочешь покаяться, выбирай преступления, где решение было хуже.

— Я не каюсь.

Веда подняла карту.

— Я проверяю счёт. Мы записали триста спасённых и один потерянный сенокос. Но ценой был распад страны. Если не назвать настоящую цену, невозможно решить, стоило ли действие того.

— Решение принимали зимой, под стрелами.

— А ложный счёт ведём до сих пор.

Арвес отобрал у неё карту и аккуратно положил на стол.

— Страна — это слово Мары. В праве существовали поселения с разными обязательствами.

Пел раскрыл ещё одну книгу. В ней были протоколы сходов: общий запрет на постой, выбор мерщиков, правила воды, принятие беглых семей, обязанность каждой деревни хранить зерно для соседней. Девять печатей повторялись под решениями двенадцать лет подряд.

— Общая территория, общее право, общий орган решений, — сказала Тала. — Ливен признал бы такой союз, если бы тот лежал за нашей рекой.

— Арда признала бы, будь у него князь, — добавил Орс.

Мара посмотрела на них обоих.

— Значит, признавать вы умеете. Просто каждому нужен свой повод не делать этого здесь.

Веда нашла на полях протокола помету Канцелярии: «Не приглашать на двусторонние удостоверения во избежание умножения цены». Почерк был не её, но формула показалась знакомой. Ею пользовались десятилетиями. Чем больше признанных сторон, тем больше независимых свидетельств, приложений и оснований для отказа. Две стороны позволяли составить договор за ночь. Третья превращала ночь в неделю. Девять сходов могли сделать мир невозможным до весны.

Канцелярия решила задачу. Не запретила Тихим Полям говорить. Просто перестала считать их ответ частью соглашения.

— Вот доказательство, — сказала Веда. — Их не забыли. Их исключили как неудобную процедуру.

Арвес прочитал помету.

— Неизвестно, кто это написал.

— Известно, кто исполнял.

— Если сейчас объявить Тихие Поля прежней стороной, под сомнение попадут тридцать четыре соглашения. Не только границы. Обмены, отводы, доступ к колодцам. Ты вернёшь мёртвые заставы в жилые дома.

— А если не объявить, они вернутся сами, — сказала Тала. — Дорога уже начала.

Спор перестал быть спором о прошлом. Веда увидела это по Орсу: он не смотрел на протоколы, а размечал карту расстояниями. От башни до ближайшего ардского склада было полдня пути. От старого русла до ливенской переправы — меньше. Если одна сторона узнает первой, она займёт места возможного возврата. Если узнают обе, каждая назовёт движение другой подготовкой к нападению.

— Нужно сообщить делегациям одновременно, — сказала Тала. — Полный перечень уязвимых договоров, запрет на ввод сил в спорные зоны и совместные наблюдатели.

— Совместных наблюдателей вы будете согласовывать неделю, — возразил Орс. — За это время какой-нибудь капитан увидит старую дорогу и решит, что получил приказ от самой земли.

— Тогда отведите свои гарнизоны.

— А ваши лодки?

— Тоже.

— Ты не можешь обещать за совет русел.

— А ты можешь за всех князей?

— Нет. Поэтому и не предлагаю красивой невозможности.

Юн повернул дощечку ребром.

— Есть четыре разных разглашения, — сказал он. — Сообщить сторонам о зависимости свидетелей. Сообщить о возобновлении исполнения. Сообщить перечень мест. И признать Тихие Поля стороной. Вы спорите так, будто это одна фраза.

— Потому что каждая следующая неизбежна после первой, — сказал Арвес.

— Неизбежность — любимое слово тех, кто хочет выбрать порядок за остальных, — ответила Мара.

Она указала на три оставшиеся деревни.

— Сначала сказать им.

— И через час будут знать обе армии, — сказал Орс.

— Сейчас обе армии знают достаточно, чтобы встать у них во дворах, и недостаточно, чтобы объяснить зачем.

— Если начнётся паника, люди побегут по дорогам, которые могут переместиться.

— Если не сказать, они останутся спать в домах, куда может прийти башня.

Веда вспомнила жителей Красильных ям, выведенных до рассвета. Тогда у неё были часы и шесть домов. Здесь оставалось три деревни, неизвестное число старых формул и ни одного способа предсказать, какая проснётся следующей.

— Пел, что ещё было в докладе наблюдателя?

Архивист вынул из рукава узкую полоску бумаги.

Арвес побледнел.

— Вы скрыли приложение?

— Я отделил его от копии, которую отдел исполнения намеревался назвать просадкой грунта.

— Это служебное преступление.

— Запишите номер. У меня хороший указатель.

На полоске были замеры дороги за две ночи. После смерти свидетеля она вернулась не по всей длине. Сначала проступили дорожные камни возле башни. На следующую ночь линия продвинулась на семьсот шагов к югу. Наблюдатель поставил вехи у последнего видимого камня. Утром третьего дня одна веха оказалась на сто восемьдесят шагов позади края дороги.

— Исполнение движется, — сказал Юн.

— Куда? — спросил Орс.

Пел наложил старую карту на новую. Дорога шла к сухой площади девяти сходов. Там она соединялась с тремя трактами, исчезнувшими после более поздних перемирий.

— К месту общего решения, — сказала Мара.

— Дороги не принимают решений, — отрезал Арвес.

— Эта, похоже, помнит, где их принимали.

Веда перечитала формулу Третьего Болотного перемирия. Общая дорога действовала, пока вся названная цена не станет понесённой. Цена включала свободный проход жителей между сходами. Свидетели объявили её понесённой в день, когда Арда и Ливен отвели силы. Но жители не получили свободного прохода: часть сходов уже лежала за новыми границами. Зависимый свидетель удостоверил не случившееся событие. Теперь договор продолжал исполнять обещание, которому двадцать лет не давали завершиться.

Если дорога дойдёт до площади, она потребует соединения со всеми сходами, названными в приложении.

В том числе с теми, на месте которых стояли ардские склады, ливенские шлюзы и две новые деревни.

— Сколько людей на возможной линии? — спросила Веда.

Пел назвал число из довоенной ведомости.

— Мне нужно нынешнее.

— У архива местности его нет.

— Тогда найдём.

Арвес встал между ней и дверью.

— Ты никуда не пойдёшь. Через сорок минут стороны должны получить проект окончательной границы.

— Они получают уведомление о переносе.

— На каком основании?

— Действующая география меняется без наблюдения сторон.

— Этого основания нельзя произнести, не раскрыв уязвимость.

— Тогда напишем: «Канцелярия утратила способность достоверно описывать предмет переговоров».

В комнате стало тихо. Для Канцелярии это было хуже признания ошибки. Ошибку можно было исправить печатью, взысканием или новой редакцией. Неспособность описать землю лишала её права усаживать других над картой.

— Ты уничтожишь доверие к посреднику, — сказал Арвес.

— Доверие уже построено на наставлении, которое я написала. Я не собираюсь защищать его чужими домами.

Орс свернул ардскую карту, но не убрал её.

— Если перенос объявят без объяснения, моя делегация решит, что Ливен добился тайного преимущества. Их делегация решит обратное. Я сообщу своему начальнику причину.

— И я своему, — сказала Тала.

— Тогда через час здесь будут требования вернуть половину материка, — сказал Арвес.

— Нет, — ответила Веда. — Вы сообщите не делегациям. Вы дадите нам четыре часа. Мара отправит человека к трём деревням. Орс и Тала потребуют от своих сторон не двигать силы у северной дороги, не называя перечня остальных участков. Юн составит одну формулу уведомления на трёх языках. Пел даст карты всех сходов. Я подпишу, что проверка свидетелей Канцелярии недостоверна.

— Ты не имеешь права признавать вину службы.

— Свою имею.

Арвес посмотрел на неё так, словно впервые увидел не лучшую сотрудницу, а плохо составленное приложение к собственному решению.

— Четыре часа ничего не изменят.

Снизу донёсся глухой удар.

Лампы качнулись. С верхней полки упала папка, раскрылась на полу и рассыпала листы. Пыль поднялась ровной линией от двери к столу, будто по камню провели невидимым пальцем.

Второй удар пришёл не снизу, а из стены. Между плитами лопнул раствор. Из щели показался край плоского серого камня.

Пел опустил на колени и стёр пыль перчаткой. На камне была высечена половина знака: семь борозд и начало пустой восьмой.

— Здесь никогда не было дороги, — сказал Арвес.

Архивист поднял на него глаза.

— В нынешнем перечне — не было.

Юн уже раскладывал старые планы Нулевой Межи. На самом раннем город заканчивался у северной стены, а через место, где позднее построили Канцелярию, шёл тракт Тихих Полей к площади девяти сходов.

Третий удар расколол плиту под дверью. Серые дорожные камни проступили один за другим и направились в глубину архива — прямо к шкафу, где хранились тридцать четыре договора.

Веда посмотрела на часы. До заседания оставалось тридцать семь минут.

До следующего сдвига — возможно, одна ночь.

Но старая дорога больше не ждала рассвета.

Глава 7. Мирная провокация

Камень остановился у шкафа. Тот накренился, и Пел Шор поймал его плечом раньше, чем три десятилетия мира рухнули на старую дорогу.

— Не трогайте бумаги, — сказал он, задыхаясь. — Если перепутаются приложения, я предпочту погибнуть под шкафом.

— Сегодня никто не погибнет, — ответила Веда.

Она сказала это слишком быстро. Все услышали решение, для которого она ещё не выбрала цену.

Орс подставил под шкаф скамью. Тала оттащила папки. Дорожные камни проступали всё медленнее, находя линию старого тракта под плитами и мебелью.

Юн приложил медное кольцо к краю последнего камня.

— Скорость падает. Семь шагов за последние две минуты, потом три.

— Потому что дошла до договора? — спросила Тала.

— Или потому что дорога не знает, куда идти дальше.

Пел, всё ещё удерживая шкаф, кивнул на нижнюю полку.

— Там приложение со списком сходов. Подлинник.

Веда присела у камня. На серой поверхности не было ни сияния, ни знаков исполнения — только старая колея, вытертая колёсами людей, которых право давно перестало считать. Между колеями застряла сухая шелуха полбы. Веда подняла её на ладонь.

— Тракт был хлебным.

Мара посмотрела на шелуху и закрыла глаза.

— Сухая площадь собирала зерно трёх восточных сходов. Оттуда обозы шли к реке.

— К какой переправе?

Пел назвал старое имя. Тала первой нашла его на ливенской карте — под новым знаком водосборной плотины. Орс развернул ардскую ведомость снабжения. С другой стороны прежней дороги стоял Северный амбар, главный запас двух приграничных полков.

Возвращавшийся тракт соединял не только исчезнувшие сходы. Он входил в нынешний хлебный путь Арды, пересекал ливенский отводной канал и выходил к городской дороге, по которой Нулевая Межа получала муку.

— Если он восстановится полностью, — сказала Тала, — канал потеряет западную дамбу.

— А наш обозный тракт получит разрыв возле амбара, — сказал Орс. — На сколько?

Пел перебрал планы.

— По старой отметке между двумя уступами было болото. Дорога держалась на насыпи.

— Насыпь сейчас под каналом, — сказал Юн.

— Значит, вода и хлеб захотят одного места, — заключила Веда.

До заседания оставалось двадцать девять минут.

Она попросила чистую карту и провела поперёк неё три линии: возвращавшийся тракт, нынешний канал, ардский обозный путь. Их пересечение лежало в узкой полосе, которую обе стороны считали своей служебной землёй и ни одна не включала в требования окончательной границы. Слишком мала для победы, слишком полезна для уступки.

Идеальное место, чтобы едва не начать войну.

— Вы хотите объявить всё сейчас? — спросила Мара.

— Нет.

— Тогда что именно?

— Что Канцелярия обнаружила немедленную угрозу северному хлебному пути и требует совместного осмотра до продолжения переговоров.

Орс понял первым.

— Арда пошлёт охрану амбара.
— Ливен пошлёт людей к дамбе.
— Они встретятся на спорной полосе.
— На полосе, где мы заранее уберём жителей и поставим наблюдателей.
Тала медленно сложила карту.
— Вы хотите устроить столкновение.
— Я хочу устроить причину не расходиться.
— Это одно и то же, если солдат испугается.
— Поэтому Орс выберет ардский отряд, а вы — ливенский. Без лучников, без конницы, без знамён. Только сапёры и по одному врачу.
— Совет русел не примет вашего состава, — сказала Тала.
— Примет, если вы сообщите, что Арда уже направила людей.
Орс коротко рассмеялся.
— А моё начальство примет, если я сообщу, что Ливен уже занимает дамбу.
— Именно.
Мара положила ладонь поверх карты, закрыв место пересечения.
— Значит, вы солжёте обоим.
— Я дам каждому правду, которая станет правдой из-за другого.
— Это вы называете миром?
— Нет. Провокацией с ограниченным числом участников.
Арвес до сих пор стоял у двери. Пока дорога двигалась, он молчал, будто надеялся, что материальная угроза избавит его от необходимости выбирать. Теперь он расправил манжеты.
— Канцелярия не санкционирует военное движение.
— Канцелярия уже санкционировала тридцать четыре изменения этой земли, — сказала Веда.
— Сегодня она хотя бы посчитает людей.
— Вы отстранены от работы с архивом.
— Тогда подпишите приказ.
— Подпишу.
— И укажите, кто примет заседание через двадцать шесть минут, кто объяснит делегациям дорогу в полу и кто гарантирует хлебный путь.
Арвес посмотрел на серые камни. Дорога продвинулась ещё на ладонь и замерла у шкафа.
— Вы шантажируете службу её обязанностями.
— Я училась здесь.
Он не подписал приказ.
Веда разделила работу. Пел должен был снять копии приложений и определить точную линию старой насыпи. Юн — составить два уведомления, равные по смыслу и разные по привычной лексике сторон. Мара посылала городских гонцов к трём деревням Тихих Полей и на спорную полосу. Тала и Орс связывались каждый со своей делегацией.
— Что вы будете делать? — спросила Тала.
— Лгать точнее вас.
Веда спустилась в зал заседаний.
Длинный стол уже накрыли картами окончательной границы. За окнами толпа ждала объявления о начале мира. Хлебники выставили корзины с маленькими караваем, каждый надрезан пополам. Мир уже продавали порциями.
Веда заняла своё место без папок.
— Заседание переносится на северный участок.
Княжеский поверенный Арды поднялся.
— Мы не соглашались менять место.
— Вы соглашались обсуждать действительную границу. Здесь лежит устаревшая.

Председатель ливенского совета русел потребовал объяснений. Веда дала ровно столько, чтобы ни одна сторона не могла уйти: обнаружено незавершённое исполнение прежнего соглашения; под угрозой общая поставка продовольствия; Канцелярия не может подтвердить нынешнее положение дороги и воды без осмотра.

— Чьё соглашение? — спросили с обеих сторон.

— Признанное обеими сторонами.

— Чья земля?

— Именно это предстоит установить.

— Кто уже там?

Веда выдержала паузу. За дверью появился Юн с двумя запечатанными уведомлениями. Значит, Орс и Тала согласились.

— Ваши технические представители, — сказала Веда.

Поверенные бросились к посыльным, и через минуту это стало правдой.

Делегации не ушли. Они потребовали равного доступа и право отозвать людей. Веда дала всё, кроме последнего: отзыв действовал лишь после общего подтверждения безопасности. Ни Арда, ни Ливен не желали первыми признать участок безопасным для противника.

Через четверть часа Веда выехала на север вместе с рабочей группой. Арвес остался в Канцелярии «обеспечивать непрерывность службы», то есть готовить версию событий, в которой любое спасение станет заслугой учреждения, а любой ущерб — превышением Веды.

— Скажите, — наконец произнесла она, — в какой момент вы решили, что имеете право пугать людей войной?

— Когда поняла, что настоящая война начнётся без расписания.

— Это не ответ.

— Есть. Можно было всё открыть.

— Тогда армии заняли бы все сорок восемь уязвимых участков. Мы знаем линию только одного.

— Можно было дать Тихим Полям говорить первыми.

Веда посмотрела на старосту.

— Ваши гонцы уже в пути. Но если ответ придёт после движения дороги, земля не спросит, кто был морально первым.

— Поэтому вы опять назначили нам цену.

— Поэтому я выбрала участок без домов.

— На земле без домов тоже кто-то ест.

Веда не ответила. Именно это она собиралась использовать.

Две низкие гряды сходились у водосборной дамбы. Между ними шёл ардский тракт, ниже блестел канал Ливена. Дорожную пекарню закрыли по приказу Мары; пекари и зрители ушли в город. На дверях висела записка: «Хлеб не нейтрален, если его отняли у голодного».

— Домов нет, — сказала Мара. — Только чужая работа.

Пел нашёл край старой насыпи по каменным сваям. Она уходила под канал, затем появлялась на ардском берегу точно посередине нынешнего тракта.

Юн установил вехи безопасного коридора. Между отрядами оставалось четыреста шагов. Ардцы пришли первыми: двенадцать сапёров под командованием капитана Бранта, знакомого Веде по Каменному мосту. Они несли лопаты, багры и короткие щиты. Мечи всё же были.

— Приказ маршала говорит без лучников, — сказал Брант. — Про мечи он забыл.

— Он ничего не забывает.

— Тогда решил, что вы переживёте его недовольство.

Ливенские мастера появились на противоположной гряде. Их было одиннадцать, с ними шла распорядительница Сайла Вер. Вместо оружия люди несли шесты для промера воды, но на концах шестов блестели железные крюки.

— Рыбу ловить? — спросил Брант через коридор.

— Ваши сапоги, если полезете в канал, — ответила Сайла.

Орс и Тала одновременно приказали своим людям не пересекать вехи. Никто не подчинился сразу: каждый отряд сначала убедился, что другой остановился.

Веда велела Пелу вслух прочитать наблюдения. Старая дорога возвращалась рывками; следующий участок должен был проявиться между грядами до заката или на рассвете. Если насыпь поднимется, она перекроет канал. Если вода сохранит признанный отвод, она размост ардский тракт. Два исполнения претендовали на одну полосу.

— Что требуется от нас? — спросила Сайла.

— Не дать ни дороге, ни воде решить это через ваши тела, — сказал Юн.

Он показал временную формулу: обе технические группы признавали наличие угрозы, но не признавали владение; каждая сохраняла право спасать людей и имущество по свою сторону вех; любое пересечение требовало устного согласия двух командиров и независимого подтверждения Мары.

— Я не подтверждаю, — сказала Мара.

Веда ожидала возражения, но не так рано.

— Почему?

— Потому что вы снова сделали меня замком на двери, которую построили без нас. Где представители трёх деревень?

— В пути.

— Тогда ждём.

Орс посмотрел на солнце.

— Если дорога поднимется раньше, ждать будут под водой.

— Пусть отойдут.

— Если отойдут обе стороны, кто удержит дамбу?

— Не моя дамба.

— Но вода пойдёт к вашей деревне Камышовый Край, — сказала Тала.

Мара повернулась к ней.

— Вот теперь вы вспомнили её имя.

Веда увидела, как рушится расчёт. Она выбрала Мару независимым подтверждением именно потому, что та не принадлежала ни одной стороне. Но независимость не означала послушание. Старое наставление Веды строилось на обратной подмене: если человек не получает землю, значит, его можно считать свободным от давления. Теперь Мара показывала цену этой удобной логики.

— Формула снимается, — сказала Веда и попросила Юна разломить дощечку с текстом.

— Новое правило, — сказала Веда. — Ни одного свидетельства вместо отсутствующей стороны. Мы действуем только для спасения людей. Не удостоверяем цену, не меняем владение, не обещаем сохранность сооружений.

— То есть амбар можно потерять? — спросил Брант.

— Да.

— Канал тоже? — спросила Сайла.

— Да.

Тала отвела Веду к вехам.

— Если вы допустите разрушение канала, совет отзовёт меня.

— Если я обещаю сохранить его, магия решит, что он важнее дороги.

— Тогда сохраните оба.

— Это слово привело нас сюда.

От Канцелярии прискакал гонец. Арвес требовал восстановить хлебное сообщение «без признания ответственности за прежние изменения».

По гряде прошла дрожь. Вода в канале поднялась гладким горбом, будто под ней перевернулось огромное животное. На ардском берегу лопнула колея. Из щебня показались два серых камня старой насыпи.

Сапёры и речные мастера шагнули к вехам.

— Стоять! — крикнули Орс и Тала.

На этот раз люди остановились сразу, но расстояние между ними сократилось до тридцати шагов. Брант вытащил меч — не против ливенцев, а чтобы перерубить упряжь пустой телеги, застрявшей на тракте. Сайла подняла крюк и зацепила плавучее бревно, которое било в заслон канала. Со стороны делегаций это выглядело бы как начало схватки.

Веда поднялась на веху.

— Брант, сколько обозов ожидается сегодня?

— Два до темноты. Большой на рассвете.

— Сайла, сколько воды держит верхний отвод?

— До ночи. Потом шлюзы переполнятся.

— Если открыть их сейчас?

— Затопит низкую дорогу к Меже. Мельницы встанут.

— Если не открыть?

— Когда поднимется насыпь, вода сама найдёт дорогу. И тогда мы не выберем какую.

Вот она, настоящая цена: не участок на карте, а время. Можно было сохранить хлебный путь до рассвета и получить неконтролируемый прорыв воды. Можно было сейчас отвести воду на низкую дорогу, заранее отрезав город от муки, зато не дать двум отрядам встретиться в потоке и панике.

— Открываем верхние шлюзы. Ардцы отводят телеги и разбирают сто шагов тракта, чтобы вода ушла в старую ложбину. Ливенцы укрепляют берега, не переходя на ардскую сторону. Городская хлебная дорога будет закрыта.

— На сколько? — спросил Орс.

— Минимум на три дня. Возможно, на неделю.

— У делегаций запас на два, — сказала Тала.

— У города? — спросила Веда.

— На четыре дня, — сказала Мара. — На семь, если отдать зерно для зимнего посева.

— Значит, мир съест весну, — сказал Юн.

— Или война съест людей сегодня.

Мара не дала согласия.

— Тихие Поля не принимают эту цену.

— Я не прошу их принимать. Я прошу вас назвать её вслух.

— Чтобы потом написать, что свидетель присутствовал?

— Чтобы потом никто не написал, будто цена состояла из ста шагов щебня.

Веда обернулась к двум отрядам.

— Решение моё. Не договор. Не свидетельство. Распоряжение посредника по безопасности. Канцелярия откроет городские запасы и возместит посевное зерно.

— Канцелярия этого не обещала, — заметил Юн.

— Теперь обещала.

— У вас нет полномочий.

— Поэтому запишите моё имя крупнее учреждения.

Орс прищурился.

— Вы всё-таки получили, чего хотели. Обе стороны работают вместе, делегации не могут уехать, хлеб становится общим вопросом.

— Да.

— И вы знали, что путь придётся закрыть?

— Я знала, что это возможно.

— Когда послали за нами?

— Когда провела три линии на карте.

Тала отступила на шаг.

— Значит, угроза была не только причиной. Это был рычаг.

— Да.

Правда не отменяла того, что Веда намеренно свела вооружённых людей к одному месту, рассчитав, как их страх удержит переговоры.

— Если хотите уйти из группы, — сказала она, — сделайте это после того, как откроем шлюзы.

— Какая щедрость, — ответила Тала.

Работа заняла три часа.

Ардские сапёры разобрали тракт и выложили отвод в старую ложбину. Ливенские мастера подняли заслоны. Вода пошла по земле, которую обе стороны считали сухой и своей, подхватила щебень и повернула к низкой городской дороге.

Старая насыпь поднималась ей навстречу. Серые камни проступали из грязи и делили поток надвое, точно помня форму, утраченную двадцать лет назад. Один рукав ушёл к ардскому амбару, второй — вдоль ливенской дамбы. Люди закричали одновременно.

Брант первым пересёк вехи: бросил меч, взял лопату и побежал укреплять ливенский берег. Сайла крюком вытащила ардского сапёра из размытой колеи. Вода сделала прежнюю формулу бессмысленной.

Орс сорвал с плеча маршалский плащ и закрыл им пролом в мешках с песком. Тала по пояс вошла в поток, передавая камни. Юн стоял на насыпи и выкрикивал названия участков на трёх языках, чтобы люди знали, куда бежать, не превращая команды в признание владения.

Мара не участвовала в укреплении дамбы. Она пошла вниз по потоку, к городской дороге, и останавливала обозы раньше, чем те попадали в воду. Веда увидела её маленькую фигуру между телегами и поняла: староста снова спасала людей от решения, которого не принимала.

К закату вода легла в отвод. Канал обмелел, но устоял. Северный амбар сохранился. Старая дорога соединила два обнажившихся участка и замерла у края низины. Ни одного человека не унесло. У двоих были вывихи, у Бранта рассечена ладонь, Сайла потеряла сапог.

Хлебный путь исчез под мутной водой.

Первые городские телеги уже стояли на гряде. За ними выстроились обозы из Арды, потом ливенские лодочники, пришедшие проверить канал. Люди смотрели на смешанный отряд по ту сторону вех и не видели спасения. Они видели закрытую дорогу, мокрое зерно и дипломатов, которые знали об угрозе раньше них.

К ночи в Нулевой Меже хлеб подорожал втрое. Арвес открыл один склад, но отказался трогать посевной резерв. Пекари уменьшили буханки; у Канцелярии собралась толпа.

Делегации остались за столом, как и рассчитывала Веда. Теперь каждая требовала письменного плана восстановления дороги, совместного снабжения города и перечня всех соглашений, способных возобновить исполнение. Они больше не могли уехать, не признав, что оставляют собственные обозы и людей перед общей угрозой.

Веда получила продолжение переговоров.

Цена стояла под окнами и скандировала её имя.

Не «Канцелярия». Не «Арда». Не «Ливен».

«Веда Ран».

Арвес впустил в зал представителей хлебников и объявил, что решение о закрытии пути было принято главным составителем без полного согласования. Он говорил спокойно, не обвиняя, и потому каждое слово обвиняло точнее.

— Канцелярия проведёт проверку, — закончил он. — Переговоры продолжатся ради скорейшего восстановления снабжения.

Маршальский плащ Орса сушился у печи, весь в ливенской глине. Тала сидела босая: сухой сапог она отдала Сайле. Они не защитили Веду.

И не ушли.

Мара положила на стол записку от пекарей. На обороте были имена трёх деревень Тихих Полей и короткий ответ их сходов: «Мы услышали предупреждение. Нашего согласия на занятие дорог нет».

— Вы добились своего, — сказала она. — Теперь обе великие стороны признают общую опасность.

— Да.

— А город узнает мир по пустой хлебной полке.

— Да.

— Вы хотя бы скажете им, что всё было задумано?

За окном толпа складывала серые камни перед входом в Канцелярию. На каждом углём писали название исчезнувшей деревни, затопленной дороги или закрытой мельницы: «Нижние Гати», «Красильные ямы» и другие, Веде неизвестные.

Признание дало бы сторонам повод назвать кризис частной авантюрой и разъехаться. Молчание сохраняло стол, но снова превращало чужую цену в служебную формулировку.

— Не сегодня, — сказала Веда.

Мара кивнула, будто ожидала именно этого.

— Тогда сегодня вы ещё миротворец.

Она забрала ключ от кладовой Нижних Гатей, который Веда всё это время носила в кармане, и положила вместо него маленький серый камень старой дороги.

Снаружи толпа перестала скандировать имя. От этого стало хуже.

Люди молча передавали камни из рук в руки и достраивали поперёк площади стену, отделяя Канцелярию от города. К полуночи главный вход оказался закрыт. Делегациям пришлось остаться внутри.

Веда удержала обе стороны за столом.

Вместе с ними она заперла там себя.

Глава 8. Первый общий враг

Утром стена заговорила.

Кто-то снаружи читал написанные на камнях названия — по одному, медленно, не повышая голоса. После каждого имени толпа отвечала:

— Было.

— Вольная Коса.

— Было.

— Три Брода.

— Было.

— Нижние Гати.

Ответ пришёл не сразу. Деревня ещё существовала, хотя мост уже учился обходиться без неё.

— Есть, — сказала толпа.

Веда стояла у окна второго этажа и считала людей. Ночью их было около двухсот. Теперь площадь заполнилась от стены до хлебных рядов. Пекари принесли пустые лотки и выставили их перед серыми камнями. Возчики перевернули телеги оглоблями к Канцелярии. На крышах соседних домов сидели дети и повторяли ответы взрослых, не всегда понимая разницу между «было» и «есть».

Внизу Арвес объяснял делегациям, почему штурм нейтрального учреждения следует считать внутренним делом Нулевой Межи.

— Внутреннее дело обычно находится внутри, — сказал Орс. — Эти люди пока снаружи. В этом и заключается остаток вашего успеха.

Главный вход был заложен до высоты человеческого роста. Служебная дверь выходила в узкий двор, но там с рассвета стояли мукомолы. Они никого не били и никого не выпускали. Каждому, кто подходил к двери, предлагали половину вчерашней лепёшки и спрашивали, кому достанется вторая.

Канцелярские служащие отвечали хуже дипломатов.

Арвес распорядился запереть архив, перенести печати в верхнее хранилище и подготовить обращение о незаконном лишении свободы. О хлебе в обращении не было ни слова.

— Если назвать их мятежниками, зерна станет больше? — спросила Тала.

— Если не назвать нарушение нарушением, завтра стены будут строить перед каждым судом.

— Перед плохим судом построят сегодня, — сказала Мара.

Она вернулась на рассвете вместе с двумя старостами Тихих Полей и отказалась проходить через служебную дверь. В Канцелярию её подняли в корзине для бумаг через окно первого этажа. Теперь подол её одежды был в муке, а на ладони осталась верёвочная полоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.